

Противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России

Научно-практическая конференция
МГИМО (У) МИД России

Стенограммы выступлений

**Алексей Иванович Подберезкин,
Проректор по научной работе МГИМО (У) МИД России**

В последнее время мы столкнулись с сознательными и целенаправленными попытками искажения нашей истории. Причем, не в качестве каких-то исторических феноменов, а с совершенно конкретными политическими целями, иногда и материальными. Кстати, почему-то считается, что это относится только к периоду, предшествовавшему Второй мировой войне. Действительно, в последнее время этот вопрос наиболее остро стоял применительно к предвоенным годам, но, на самом деле, под сомнение ставится вся история нашего государства в XX веке, да и раньше. На мой взгляд, это происходит потому, что наша история, наши ценности, наши традиции — это огромный ресурс нации. На западе, кстати, это понимают и оценивают. Помнится, помощник по образованию Президента США мне говорил: «Мы многое можем вам простить, понять и уступить, потому что мы преклоняемся перед вашим историко-культурным наследием. У вас, в России, есть огромное культурное богатство, которое, на мой взгляд, вы недооцениваете». Это говорил друг нашей страны. Но те, кто участвуют в процессе «переосмысления» истории — далеко не наши друзья. Я бы разделил их на три группы: 1. западные историки, публицисты, политики, которые осознанно участвуют в этом процессе; 2. наши историки, которые по разным соображениям, в том числе идеологическим, меркантильным, занимаются этими вопросами; 3. группа, выступающая по этим вопросам совершенно непрофессионально. А таких людей, к сожалению, сейчас появилось много. В об-

щем, все эти три группы слились за последние годы в мощный поток. Честно говоря, я был обескуражен, когда на нас началось это «историческое давление», поскольку не видел у нас ресурсов, чтобы серьезно ему противостоять. Медийный ресурс был во многом ограничен, да и сейчас он ограничен, хотя Администрация Президента прекрасно понимает эти слабости и многое уже делает для выправления положения. В ближайшем будущем на эту тему будет отдельный обстоятельный разговор.

Существует серьезная проблема — это кризис в социогуманитарных науках. Недавно на «круглом столе» в МГИМО (У) мы обсуждали эту проблему с участием представителей РАН и «высшей школы». На нем один из руководителей Министерства образования договорился до того, правда, сославшись на В. Путина, что нам вообще социогуманитарные науки не нужны. Такой глупости В. Путин, естественно, никогда не говорил и сказать не мог. Но реальность такова, что социогуманитарная наука находится в кризисе. Это все прекрасно понимают. Это понимают и представители Академии наук, которая, как и ВУЗы, испытывает хроническое недофинансирование. Во многих научных центрах очень слаба информационная база, нет даже своих сайтов, нет своего интернета. Все это отражается на уровне социогуманитарных наук в России.

Возвращаясь к теме нашей конференции необходимо отметить, что наша история, наше культурное и духовное наследие — это огромный национальный

ресурс. Это тот ресурс, который, в отличие от минеральных богатств, не растрачивается. Он может только преумножаться. Но попытки фальсифицировать историю могут привести к тому, что этот ресурс будет девальвирован. Это все прекрасно понимают. Как только исчезает своя система ценностей, на ее месте появляется чужая. Я сейчас говорю больше не как историк, а как обществовед-философ. Эти аспекты меня больше всего волнуют. Хроническое недофинансирование, пренебрежительное отношение к социогуманитарным наукам привело к тому, что появился такой феномен, как слабо подготовленный ученый. Такой ученый участвует в научных работах, готовит студентов, пишет учебники, которые далеко не всегда профессионально подготовлены.

Я был на заседании Комиссии по противодействию фальсификации истории. Там заместитель министра образования с гордостью сказал, что у нас сейчас более 250 учебников по отечественной истории. На мой взгляд, это уже близко к шизофрении.

**Сергей Александрович Марков,
Заместитель председателя Комитета Гос. Думы по делам общественных объединений
и религиозных организаций, Член Комиссии при Президенте РФ по противодействию
попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России**

Работа Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории должна сосредоточиться не на выявлении различных интерпретаций исторических фактов, а сосредоточиться исключительно на борьбе с сознательной фальсификацией. Эта сознательная фальсификация имеет, как правило, вполне очевидные, «сознательные» политические цели. Структура управления этими процессами фальсификации истории, как правило, государственная. Мы знаем так называемые институты «национальной памяти», которые являются государственными структурами, созданными для сознательной фальсификации истории. Чего только стоит работа Службы безопасности Украины в этом направлении. Все помнят истории с фотографиями. Как можно спутать фотографии голодающих американцев с нашими? Ведь они, американцы, и выглядят по-другому. Поэтому таким действиям надо противопоставить государственную политику с нашей стороны, чем и должна заниматься Комиссия по фальсификации.

Самый главный метод борьбы с фальсификациями — тщательная разработка собственной истории. Мы не можем не видеть, что система поддержки исторической науки, которая сама по себе не может быть рыночной, должна основываться на государственной поддержке. Историки должны иметь возможность печатать книги, журналы, проводить конференции, приглашать заинтересованных людей на эти конференции, сами должны иметь возможность ездить на конференции, отстаивать на них наши позиции. Они должны иметь возможность выписывать журналы,

Наличие такого количества учебников может только окончательно запутать людей. К сожалению, многие составители учебников по истории не всегда профессиональны. Сознательно ли они искажают историю или просто от недостатка квалификации — вопрос больше риторический. Налицо факты. В МГИМО (У) недавно была одновременная презентация двух книг, абсолютно разнополярных: и по качеству подготовки, и по отношению к собственной истории и культуре. То есть, даже в МГИМО (У) это возможно. Хотя МГИМО находится в привилегированном положении. Нам удалось сохранить свою историческую школу, увидели свет несколько десятков изданий на исторические темы, рассекречены архивы. Мы начинаем выпуск обновленного журнала «Вестник МГИМО — Университета», где будет обязательная рубрика, посвященная рассекреченным архивам. В оборот будут вводиться новые источники. Там будет отдельная большая рубрика по истории, причем современной истории.

читать их. Система сама по себе достаточно простая. Но ее нужно создать. Если мы не создадим эту простую систему, то о какой борьбе с фальсификацией истории может идти речь? Даже если начальники будут принимать правильные решения, то кто их будет выполнять? Пока у нас, образно говоря, получается такая картина: на нас идут «Тигры» — танки на государственном бензине, а мы бросаем против них наших историков, как солдатиков с трехлинейками, да еще без патронов. Сказав при этом, что еды и патронов не будет, сами на фронте добываете. Так войны не выигрывают. Поэтому мы, конечно же, должны этот вопрос переосмыслить и, прежде всего, создать нормальную систему финансирования российской исторической науки. Это — 90% успеха.

Речь при этом никоим образом не идет о давлении на историков, о том, чтобы заставить их писать те или иные интерпретации и т.д. Вообще, исторические интерпретации могут быть разными. Это абсолютно нормально, когда идут дискуссии. А как иначе? Абсолютно нормально, что разные поколения по-своему пересматривают историю. Могу привести такой пример: по Полтавской битве вышла книга из серии ЖЗЛ о гетмане Мазепа. Честно говоря, мне не очень понравилась эта новая интерпретация. Мазепа не фиксируется как предатель, скорее как сложный политик в сложной ситуации. Но хочу подчеркнуть, это — авторская интерпретация истории, а не сознательная ее фальсификация. Это примерная граница дозволенного. Но писать о том, что весь украинский народ, как один, поднялся приветствовать шведского короля Карла, приводить чудовищные цифры резни

в Батурине, это, конечно, прямая ложь и фальсификация. Вот эту грань мы должны очень четко отделить. С этой точки зрения, мы не просто «нейтральны» по отношению к историкам. Наша задача — создать им необходимые условия для нормальной работы, объективного исследования истории.

Наша цель, можно сказать, — благородная задача защиты историков в таких странах, как Украина, Польша, Латвия, Эстония, Грузия и ряд других. Защитить их от тотального политического давления и диктата, под которыми они находятся. Наша задача — сделать более свободной историческую дискуссию в тех странах, где ученым свободы не дают. То, что происходит на Украине, — просто вакханалия. Оттуда идут сплошным потоком жалобы историков, что им не дают писать правду, более того, заставляют говорить ложь. С этой точки зрения, нашими главными союзниками в этой борьбе являются сами историки, которые возмущены наглой фальсификацией, которая осуществляется по политическому заказу властей. Однако некоторые ученые вынуждены эту работу, хотя бы частично, делать. Им говорят, что если они будут фальсифицировать историю, то у них будет доступ к грантам, конференциям, ко всему. Если нет, то все закроем, да и с работы уволим. Наша важнейшая задача состоит в том, чтобы тем ученым, кто отстаивает историческую правду, дать альтернативу. Нужно создать нормальную систему работы с историками других стран. Это — вторая задача, которая, в общем-то, неотделима от задачи поддержки российских историков. Историческая наука не может существовать в разделенности, в отрезанности от мировой исторической науки.

Есть две истории, в соответствии с этим должны быть два разных метода работы. Есть история как наука. Есть история как часть общей мифологии. Иногда говорят: оставим историю историкам. Это верно может быть только для первой части. Как можно оставить историю историкам, если все общественное мнение интересуется исторической проблематикой? Если по телевидению идут дебаты, если фильмы показывают, если общественные дискуссии идут в средствах массовой информации? Эту историю нельзя оставить только историкам, потому что эта история есть часть общественной мифологии, которая является частью самосознания нации. Нужно вести дебаты на всех площадках. Эта история имеет отношение к общественному сознанию. Здесь свои методы работы. Это и создание фильмов, которые являются важнейшим инструментом формирования массового исторического сознания. Это и создание исторических передач на телевидении на постоянной основе, где был бы качественный состав. У нас есть очень неплохой опыт работы в данном направлении. Кроме того, это, конечно, преподавание истории в системе образования. Мы являемся свидетелями тревожного процесса вымывания гуманитарных дисциплин из учебных программ школ, универси-

тетов. Получается, что, с одной стороны, мы боремся с фальсификацией, а с другой, — лишаем наших учеников, студентов возможности формировать нормальное, системное историческое сознание. Государство должно тщательно изучить вопрос вымывания гуманитарных дисциплин. Вопрос этот, кстати, имеет отношение не только к истории, но и к философии, политологии, социологии. Мы должны сознавать, что система образования формирует не только работников для рынка труда, но и формирует граждан демократического, открытого российского государства. Плюс сюда надо добавить необходимость повышения квалификации учителей и преподавателей высших учебных заведений.

Географически у нас складывается следующая картина. Мы знаем, что главная борьба идет на Украине, 50% этой работы — это Украина. Там осуществляется масштабный проект с целью закрепления Украины на позициях вечного врага России. Для этого брошены огромные ресурсы. Тех людей, которые тысячелетия считали себя русскими, сейчас хотят сделать антирусскими. Речь идет о масштабной политической борьбе. Мы, конечно же, уделяем этому вопросу большое внимание. На прошедшем в декабре 2009 года заседании политического комитета ПАСЕ в Париже была тяжелейшая многочасовая борьба. Нам удалось почти невозможное. Будучи в меньшинстве, мы, тем не менее, смогли отбить все попытки признать голодомор как геноцид украинского народа. Более того, нам удалось отбить все попытки включить термин, что действия властей, приведшие к голодомору, были направлены «особенно против украинцев». Это — большая победа. Но большая борьба еще предстоит по этому вопросу на пленарном заседании в конце января 2010 года.

Второе географическое направление — страны Прибалтики. Здесь цель местных властей достаточно простая: нужно сохранить нынешние недемократические системы Латвии и Эстонии, которые рассматривают русских людей как людей второго сорта по многим показателям (политическим, социальным, гуманитарным и т.д.).

Третье направление — это Кавказ. Мы уделяем ему недостаточное внимание. В связи с проведением Олимпиады в Сочи на первое место выйдет интерпретация Кавказской войны. Рядом экстремистских организаций выдвигается лозунг: «Нет Олимпиаде на земле геноцида». Соответственно, будут попытки интерпретировать Кавказскую войну как геноцид адыгских народов. Известно, что это была кровавая война, но имеют место очень многие противоречивые факты. Например, фактом является то, что адыгские народы давно интегрировались в состав России. Более того, только в составе Российской Федерации они получили атрибуты государственности. Есть Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балканская Республика, родственные адыгам абхазы имеют свою собственную государственность.

Если сравнить судьбу той части адыгских, черкесских народов, которая осталась в России, и той их части, которая через Мухаджирство перебралась в страны Ближнего Востока, то, конечно, судьба наших народов неизмеримо лучше. Они имеют все возможности для национального развития, сохранился их язык и т.д. Черкесы и адыги, живущие в странах Ближнего Востока, заинтересованы в том, чтобы приезжать в Россию и получать образование на своем родном языке, поскольку там у них нет такой возможности. Там достаточно жесткие политические режимы, запрещающие это делать. Мы должны этот вопрос постоянно отслеживать, тем самым готовя контраргументацию по будущим интерпретациям, которые обязательно появятся. Известно, что есть планы устроить, в связи с сочинской Олимпиадой, политическую кампанию, подобную той, которая была устроена на пекинской Олимпиаде. Мы пока не уделяем этому вопросу должного внимания, и это неправильно.

Что касается Грузии: мы любим Грузию, грузинский народ, грузинскую культуру, любим грузинскую кухню. Поэтому такие чувствительные сюжеты, как разрушение памятника ветеранам Отечественной войны в Кутаиси, имеют большой общественный резонанс. Нужно уделять больше внимания истории. Недавно я прочитал книгу — совместное издание Михаила Леонтьева и Дмитрия Жукова — «„Независимая“ Грузия. Бандит в тигровой шкуре». Я был поражен. Если идеология Саакашвили — доказать, что Россия вечный враг Грузии, то здесь — наоборот, хотят доказать, что Грузия вечный враг России. Это — огромная ошибка. Грузия не была вечным врагом России. И интерпретация описанных в книге событий точно не способствует сближению наших народов. Такого рода вещи встречаются достаточно часто.

Нам в ближайшее время очень важно получить от профессиональных историков, от людей, которые

занимаются этой работой, помощь в создании списка будущих конфликтных ситуаций, связанных с исторической проблематикой. Огромное спасибо тем, кто работает в этом направлении. Возьмите Полтавскую битву. Здесь мы прекрасно отработали, огромное количество материалов выпустили. Единственное — лучше бы, чтобы на полгода пораньше. А то у нас и книги, и фильмы вышли к тому времени, когда все уже практически было сделано. Такую работу нужно начинать заранее. Поэтому, такой список ключевых точек, ключевых тем очень важно иметь.

Одной из важнейших тем будет 65-летие Победы. Налицо замалчивание наших подвигов. Сейчас в Германии издается много материалов о зверствах советских солдат в Восточной Пруссии. Почему в Восточной Пруссии? Почему не в других местах? Не в Саксонии? Оказывается, все очень просто: Восточная Пруссия — это та часть территории Германии, которая ныне входит в состав Российской Федерации. По сути дела, через активное раскручивание «литературы» о зверствах советских солдат в Восточной Пруссии пытаются создать легитимное основание для последующего отторжения Калининградской области от Российской Федерации. Игнорировать эти факты мы не можем. У нас есть союзники. Будучи на Парламентской ассамблее Совета Европы, я убедился в том, что наши союзники есть везде: в составе латвийской, эстонской, польской делегаций, среди британских консерваторов и британских лейбористов, в делегации Венгрии и т.д. Конструктивно с ними работая, опираясь на их поддержку, мы вполне сможем добиться нормальной, человеческой интерпретации истории, добиться того, чтобы история была ориентирована на достижение главной цели — укрепление дружбы между народами, как внутри России, так и на общеевропейском пространстве.

**Исаак Иосифович Калина,
заместитель Министра образования и науки РФ, заместитель Председателя Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России**

Недавно прочитал большой анализ школьных учебников по истории, изданных в новых независимых государствах — бывших союзных республиках в составе СССР. Наверное, все знают, что есть только две страны, в которых хорошо про нас пишут. Это — Белоруссия, более-менее аккуратно — Армения. Все остальные учебники написаны так, что я подумал, когда мои внуки захотят съездить к внукам моего ровесника в какую-нибудь из этих стран, то вряд ли его будут встречать так же, как встречали меня в этих республиках и городах. Честно говоря, стало очень грустно. Я понимаю, что история — наука далеко не однозначная. Школьный урок истории — это всегда механизм, по крайней мере, попытка формирования отношения поколения детей и внуков к поколению

отцов и дедов, к своим сверстникам в другой стране.

Нас часто обвиняют серьезные историки: «У вас учебники плохие!». Теперь, слава Богу, они все прошли экспертизу Академии наук. И я могу сослаться на то, что они точно допущены Академией. Но не в этом суть. Я спрашиваю: «А что, разве там написана неправда?». «Нет, правда, но не вся».

На что у меня всегда есть ответ: «В учебниках физики тоже не вся физика, как и в учебниках математики — не вся математика! И никого это не огорчает».

Поэтому отбор содержания, даже интонаций учебника, интонаций урока определяется тем, что школьный урок истории формирует отношение наших потомков к нам и к нашим отцам. Очень не хотелось бы, чтобы взрослые, в поисках глубочайшей

научной истины, не сделали невозможным межпоколенческое единство в стране, не сделали невозможными нормальные отношения наших детей и внуков с детьми и внуками наших друзей в новых независимых государствах.

Я внимательно читаю, смотрю по телевидению дискуссии наших специалистов по истории. И при этом я все время думаю: ведь он же никогда бы не пришел в класс на урок и не сказал бы ученикам, отодвинув в сторону учительницу: «Она вам тут не всю правду сказала, сейчас я вам другую расскажу». Он не стал бы так поступать, потому что понимает, что этого нельзя делать. А почему-то, вещая с экрана телевизора, все считают, что дети их не смотрят и не слышат. Нет, смотрят и слышат! А потом приходят с этим на урок. По сути же, происходит вмешательство специалиста по истории или псевдоспециалиста, вещающего с экрана, в урок, который идет.

Прежде телевидение помогало школе, дополняло ее. Сегодня, к сожалению, — редко. Чаще всего эти векторы оказываются буквально перпендикулярными. А физика говорит, что работа — это произведение

вектора силы на вектор перемещения и на косинус угла между ними. А если угол равен 90°, то косинус равен нулю, и работа равна нулю. К сожалению, часто результаты исторического образования при перпендикулярности между тем, что пытается сделать учительница на уроке своими силами, и тем, что делает какой-нибудь популярнейший человек с экрана, становятся равны нулю.

Хорошо, что нет дискуссий по математике на экранах телевизоров. Там тоже очень много спорного, поверьте. Но когда на экране телевизора идут дискуссии по истории, мне все время хочется, чтобы кто-то предупредил выступающего: «Товарищ, говори все, что хочешь. Но помни, тебя смотрят и слушают дети!». Может, тогда бы многие вещи по-другому говорились и были бы ближе к исторической правде? И все-таки работали на межпоколенческое единство. Боюсь, туго нам от наших внуков придется, если они поверят в некоторые вещи, которые им рассказывают с экранов. Я очень надеюсь, что статьи, тексты, учебники по истории будут полезными для наших ребятишек и будут абсолютно правдивыми

**Константин Константинович Провалов,
директор Историко-документального департамента МИД РФ**

МИД России и его заграничные учреждения рассматривают противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам страны как одно из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности. На это нацеливает подразделения ЦА, ЗУ, всех сотрудников развернутое постановление коллегии Министерства от 26 марта 2008 года, ставшее итогом подробного и всестороннего рассмотрения этой проблематики.

Ход этой работы отслеживается в рамках созданной в феврале 2008 года целевой междепартаментской рабочей группы Министерства, которая регулярно проводит свои заседания с привлечением как представителей заинтересованных подразделений МИД, так и общественных и научных организаций (состоялось 6 заседаний).

Министерство выступило одним из инициаторов и активных участников создания в мае 2009 года Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. МИД в составе Комиссии представляет зам министра В. Г. Титов. Министерство регулярно готовит и направляет в Комиссию соответствующие информационно-аналитические материалы, а также свои соображения и предложения. Придаем важное значение деятельности этой структуры в целях дальнейшего повышения эффективности и уровня скоординированности усилий на этом направлении, приданию им общегосударственного формата.

В практическом плане работа по борьбе с попытками ревизии истории, искаженными интерпретациями событий прошлого, продвижения объек-

тивных оценок и российских подходов по тем или иным спорным историческим темам является частью повседневной дипломатической деятельности. При этом используется широкий арсенал средств: контакты и переговоры с зарубежными партнерами, брифинги официального представителя МИД России, научные конференции, документальные выставки, выступления в различных зарубежных аудиториях, тематические публикации, кинопросмотры, мероприятия, проводимые по линии российских домов культуры и науки, деятельность двусторонних комиссий историков.

В последнее время основные усилия фокусировались на вопросах, связанных с 70-летием начала Второй мировой войны и подготовкой к 65-летию Победы. При участии или содействии МИД в 2009 году прошли три международных научно-практические конференции по предвоенной ситуации в Европе: в Варшаве (май), Берлине (июнь) и Москве (июль), заседания совместных комиссий историков с Польшей, Германией, Австрией, Чехией, Литвой. Содержательно прошел в марте организованный в Министерстве «круглый стол» на тему: «К 70-летию начала Второй мировой войны: актуальные задачи внешней политики России по противодействию фальсификации и переписыванию истории этого периода» (март), в котором приняли участие видные ученые-историки, представители ведущих научно-исследовательских учреждений. Директор ИДД в мае выступил с докладом на организованной Институтом военной истории МО РФ научной конференции «Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», а также на конференции ветеранов Великой Отече-

ственной войны стран СНГ 26 ноября. Сотрудники департамента выступили на тематическом заседании научного совета Института российской истории РАН 19 ноября, на конференции в Псковском государственном педагогическом университете 9–11 декабря.

Совместно с Центральным музеем Великой Отечественной войны 1941–1945 годов готовится документальная выставка для экспонирования как в центре, так и в загранпредставительствах России.

Подготовленные заместителем директора Департамента А. Г. Дульяном материалы о проблемах предвоенной ситуации в Европе и «пакте Молотова–Риббентропа» опубликованы в журнале «Международная жизнь», а также в тематическом документальном сборнике «Партитура Второй мировой войны». На основе архивной документации подготовлены и размещены на веб-сайте Министерства информационно-аналитические материалы о мюнхенском сговоре, «пакте Молотова–Риббентропа», событиях на Халхин-Голе.

Были растиражированы и разосланы для использования в нашей информационной работе за рубежом документальные фильмы российского ТВ по «пакту Молотова–Риббентропа», событиям на р. Халхин-Гол, предвоенной ситуации в Европе («Мог ли Сталин остановить Гитлера?»). Разослана также брошюра фонда «Историческая память» «Пакт Молотова–Риббентропа в вопросах и ответах».

В целях противодействия ревизии истории были использованы прошедшие в этом году в России, Белоруссии, целом ряде других стран и международных организаций мероприятия, посвященные памяти А. А. Громыко в связи со 100-летием со дня его рождения, а также соответствующие публикации. Ведь новейшая история международных отношений неотделима от имени этого выдающегося дипломата, ученого и политика.

Борьба с различного рода «историческими» искажениями велась и через исследовательско-публицистическую деятельность. В прошлом году выпущен документальный сборник «Советско-китайские отношения. 1949–1951». Велась работа по подготовке к печати XXV тома серийного издания «Документы внешней политики СССР» за 1942 год, реализации (в сотрудничестве с ИВИ РАН) проекта издания IV тома сборника документов «СССР и германский вопрос. 1941–1949», а также подготовке двусторонних сборников «Советско-финляндские отношения. 1944–1948» (совместно с финнами) и «Советско-югославские отношения. 1945–1956» (совместно с сербами). Продолжается деятельность по осуществлению проекта многотомного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» под эгидой Минобороны России с участием МИД России, МГИМО (У) и Дипакадемии.

Намерены и в дальнейшем уделять постоянное внимание отстаиванию и продвижению наших позиций по проблематике фальсификации и ревизии истории.

Вместе с тем, хотел бы подчеркнуть: это — задача не только МИД. Хотелось бы рассчитывать на более активную вовлеченность в эти усилия нашего научно-экспертного сообщества, общественных организаций, СМИ, особенно когда мы говорим о деполитизации истории. За рубежом эта работа ведется во взаимодействии с еврейскими, антивоенными, антифашистскими организациями.

Нашим объективным союзником на международной арене в том, что касается истории Второй мировой войны, является государство Израиль. Напомню, что теме противодействия ревизии истории, отрицания Холокоста, обеления нацистов было посвящено специальное заявление президентов наших стран от 18 августа 2009 года. Президент Ш. Перес недавно публично осудил попытки провести знак равенства между Сталиным и Гитлером. «Сталин победил Гитлера, сказал израильский лидер, а роль России в деле победы во Второй мировой войне огромна. Русские за эту войну заплатили ужасную цену, и, может быть, в таких обстоятельствах жестокость Сталина была необходима... Как Сталин, так и Гитлер как диктаторы похожи, однако их идеологии разные. Не нужно забывать тех вещей, которые имели место только в Германии. В России были концлагеря, однако газовых камер не было». Эти высказывания вызвали даже скандальную полемику между Израилем и Литвой, откуда родом Ш. Перес.

Примерно в схожем ключе комментируют эту проблему в МИД Израиля, а также лидер оппозиции, бывший министр иностранных дел страны Ц. Ливни. По словам начальника департамента Центральной Европы и Евразии МИД Израиля П. Авиви, «у нас есть постоянная проблема с этими (прибалтийскими) странами, которые пытаются переписать историю, потому что для них Сталин хуже Гитлера. В данном случае у нас с Россией общий интерес — не позволить им это сделать!». С учетом таких обстоятельств израильский фактор не стоит недооценивать в работе по противодействию переписыванию истории.

При этом представляется логичным и правильным, особенно в контексте предстоящего 65-летия Победы, делать акцент не на тех сюжетах, которые способны лишь спровоцировать новые расколы, волну взаимных обвинений и антагонизмов, а сконцентрироваться на объединительных усилиях, прежде всего связанных с темой приближающегося юбилея Победы и совместной борьбы с фашизмом и его идеологией, проявления которой, к сожалению, живучи и в наши дни. Не будем забывать, что Вторая мировая война стала общей трагедией для европейцев, а Победа была и остается их общим достоянием. Это столь же очевидно, как и то, что решающий вклад в достижение Победы и освобождение человечества от «коричневой чумы», как бы и кто бы ни пытался посеять сомнения на этот счет, внес Советский Союз, понесший самый тяжелый урон от гитлеровской агрессии.

**Георгий Львович Мурадов,
посол, руководитель Департамента внешнеэкономических
и международных связей г. Москвы**

Вопрос о противодействии попыткам фальсификации истории весьма актуален, так как имеет значение уже не только для России, но и для всего мира в целом. Недооценка этого явления, а тем более поощрение попыток провокационной фальсификации истории и пересмотра итогов Второй мировой войны накануне 65-летия со дня ее окончания в конечном счете могут обернуться мировой катастрофой. Если мы вступим на этот гибельный путь, то не успеем оглянуться, как окажемся втянутыми в Третью мировую войну, которая, уж точно, может стать для нас в буквальном смысле последней.

А ситуация на этом идеологическом фронте в последнее время довольно тревожная. Так, на Украине, используя придуманный фашистами миф о борьбе ОУН — УПА за независимость Украины и героизируя фашистских коллаборационистов в противовес соседним народам и государствам, прежде всего России, Президент Украины и новые «идеологи» стремятся построить националистическое, вождистское государство в самом центре Европы.

16 мая 2007 года В. Ющенко издал Указ «О праздновании 100-летия со дня рождения Романа Шухевича», командующего УПА и фашистского капитана, награжденного «Железным Крестом». Более того, 12 октября того же года Указом Президента Шухевич был награжден высшей наградой страны с присвоением ему звания Героя Украины, а 65-летие создания Украинской повстанческой армии было указано праздновать на государственном уровне.

Украинской национальной элитой целенаправленно формируется в общественном сознании образ врага, виновного во всех бедах украинцев. Кроме мифа о героях УПА, для этого агрессивно используется миф о погибших во время голодомора 1932–1933 годов 40 млн украинцев и якобы направленности голодомора на «истребление» украинцев. Возводятся в культ любые исторические конфликты с Россией, создавая из Украины образ жертвы, непрерывно страдающей от враждебных и диких соседей, в первую очередь России. И в этом плане весьма характерна историческая реабилитация гетмана Мазепы, предавшего Петра I 300 лет назад в ходе Полтавской битвы.

Украинцам умышленно прививается комплекс неполноценности, чтобы затем трансформировать его в этническую ненависть и призывать к «воздаянию» всем тем, кто «столетиями унижал» украинский народ. «Над нами на протяжении... истории издевались, унижали, грабили наши города и села..., отбирали земли и выселяли из собственного дома — мы выжили и выстояли», — это страница из материалов для изучения истории в 5-м классе. Целью подобной «прокачки» мозгов со столь раннего детства является

создание такой «украинской идентичности», в основе которой лежит набор русофобских мифов.

Противодействуя этой губительной тенденции, чреватой конфликтами на национальной почве, мы энергично поддержали создание на Украине Всеукраинской общественной организации «Правозащитное общественное движение „Русскоязычная Украина“». Это новое явление в жизни наших соотечественников, когда на первый план общественного движения выходят правозащитные аспекты не только русского языка и русскоязычного населения, но и правдивого отображения истории наших братских народов. Считаем, что это направление перспективно для всех стран СНГ, и просили бы наших политологов повнимательнее присмотреться к этому движению и оказать ему необходимое содействие.

Однако героизация сотрудничавших с нацистами военных преступников, «война» с историческими памятниками и могилами советских воинов, факты переписывания общего исторического прошлого характерны не только для Украины, но и для целого ряда других стран. Стремление дать вольную интерпретацию историческим фактам можно наблюдать в Польше и Румынии, Молдавии и Грузии, Латвии, Литве и Эстонии. Специфические «изыскания» в этих и других странах особенно активизировались в последнее десятилетие и вовсе не случайно совпали с усилением влияния России на международном уровне и выстраиванием ею собственного независимого курса.

Чего стоят, например, такие пассажи в школьном учебнике «История Румынии. Новейшее время», изданном в 1999 году: «Поход Гитлера и Антонеску в 1941 году преследовал целью освобождение Бессарабии от русской оккупации». Вслед за румынскими «историками» авторы учебника для 4-го класса уже молдавской школы утверждают: «Гитлер и Сталин договорились поделить территории чужих государств, и в результате этого началась Вторая мировая война». С агрессивных позиций в отношении России освещается история в Польше и Грузии.

Но, пожалуй, дальше всех в очернении Советского Союза и России в историческом прошлом своих стран и мира в целом пошли прибалты. Не повторяя уже сказанного в отношении «вклада» историков стран Балтии в мировую историю, я хотел бы подробнее остановиться на частном примере так называемого «дела Кононова», которое, на наш взгляд, может иметь далеко идущие последствия.

Судебный процесс, затеянный в Латвии в 1998 году (спустя 53 года после окончания Второй мировой войны!), против 75-летнего участника Великой Отечественной войны, полковника милиции

в отставке Василия Макаровича Кононова, арестованного по обвинению в убийстве в 1944 году 9 полицейских по приговору партизанского трибунала, с самого начала носил заказной, политический, провокационный по отношению к России характер. Постоянное маневрирование и непрерывная смена мотивов обвинения, все больший перевод акцентов с уголовных аспектов на откровенную политику, демонстративное невмешательство западных стран, итоговое заявление о «несправедливости» Нюрнбергского суда — все это выявляет подлинные цели суда над ветераном войны В. М. Кононовым. Кому-то не только в Латвии, но и за ее рубежами, по-видимому, не нравится не только конфигурация сегодняшнего мира, но и сам мир, а потому и был запущен судебный процесс, преследующий конечную цель подтолкнуть западные страны к пересмотру итогов Второй мировой войны и оказать грубое давление на Россию — правопреемницу победившего в Великой Отечественной войне Советского Союза.

Мы с самого начала поддержали В. М. Кононова, выделив значительные средства на его процессуальную защиту не только в Латвии, но и в Европейском суде по правам человека. Первый этап мы выиграли — я имею в виду Малую палату Европейского суда. Но

под давлением латвийских властей дело было передано в Большую палату, вердикт которой ожидается в ближайшее время. По мнению специалистов, успех в ней вовсе не гарантирован.

Если В. М. Кононова все-таки осудят, тем самым на высшем судебном уровне не только государства Латвия, но и Европейского Союза будет создан международный прецедент правового осуждения, по сути, Советского Союза как государства-агрессора и советских людей за то, что в годы войны они выполняли свой патриотический долг. В равной степени можно будет при желании поднять и аналогичные дела героев Сопротивления и вынести им исторический приговор за их борьбу против гитлеровцев и их пособников.

Этого допустить нельзя. Правительство Москвы будет продолжать бороться за В. М. Кононова и за права россиян. Но надо, чтобы и наша общественность сказала свое веское слово, в том числе историки, социологи и политологи. Вместе с государственными органами Российской Федерации мы должны создать общественный резонанс такой силы, который отрезвляюще подействовал бы на всякого рода реваншистов, пособников фашизма и преступных фальсификаторов истории.

**Иеромонах Филипп (Рябых),
заместитель Председателя Отдела внешних церковных
связей Московского Патриархата РПЦ**

Тема фальсификации истории сегодня актуальна, как никогда, тем более в преддверии 65-летия празднования победы в Великой Отечественной войне. Есть над чем порассуждать. Потому что деятельность Русской Православной Церкви (РПЦ), в том числе в контексте обсуждения вопросов Второй мировой войны и в более широком плане проблем XX века, сталкивается с неприятием как в Восточной Европе, так и вообще в европейском мире. Есть, с одной стороны, натяжки, есть откровенная политика. Но, в то же время, есть люди, которые настроены на серьезные размышления, хотят серьезного разговора. Не идеологически ангажированного, а спокойного, когда действительно можно сопоставить, теперь уже в условиях свободы, когда нет железного занавеса, разные позиции и выработать общий подход к истории XX века. Поэтому, я бы хотел ориентироваться на такой подход, постараться понять различные стороны, разных людей, которые оказались во враждебных лагерях в XX веке. Неоднократно приходилось слышать тезис о том, что писать историю очень легко, и каждое правительство делает это с успехом, особенно с помощью современных технологий. Создается впечатление некоего легкого подхода к истории, ее формированию, оформлению тех или иных взглядов, которые подходят для современной конъюнктуры, для того, чтобы достичь тех или иных политических

целей. Безусловно, это заблуждение. Мне кажется, что здесь историки и церковные деятели очень близки в своих оценках. Мы знаем из оценок прошлого, из того, что происходило в прошлом, что в историческом процессе действуют некие объективные нравственные законы. Так же, как в физическом мире, это законы физического мира, так же и в истории они присутствуют, несмотря на то, что кто-то может их отвергать. Есть воздаяния, есть уроки, есть заблуждения, есть правильный путь, правильные поступки. И действительно, важно понимать, как прошлое связано с настоящим и будущим. Если мы не делаем, не извлекаем правильных уроков из нашей жизни, из жизни всего человечества, мы рискуем опять впасть в те же ошибки, совершить те же серьезные преступления. Поэтому нам, безусловно, необходимо максимально придерживаться исторической правды для того, чтобы делать правильные уроки из прошлого.

В истории РПЦ, конечно, есть разные эпизоды, но то, что связано с Великой Отечественной войной, является ярким примером того, как РПЦ смогла возвыситься над обидами, несмотря на то что перед этим были пятилетки атеизма, а руководство Советского Союза планировало уничтожить церковь. Когда началась война с Германией, митрополит Сергей первым, можно сказать, из лидеров страны, когда политические лидеры еще молчали, возвысил свой

голос и призвал народ воевать с нацизмом, защищать свою Родину. Этот пример показывает степень исторического прозрения РПЦ, размах понимания ею истинных национальных интересов страны, независимо от того, при каком идеологическом режиме жил тогда народ, поскольку опасности тогда подверглись фундаментальные интересы народа, да и вообще само его существование. Можно рассуждать о том, в каком направлении должен идти народ в идеологическом смысле, но эти разговоры имеют смысл лишь тогда, когда народу ничего не угрожает, когда он может жить, спокойно развиваться, когда народ находится в мирных условиях. В период же Великой Отечественной войны само существование народа было поставлено под вопрос и нужно было, прежде всего, отстоять независимость, самостоятельность, мир, право на существование, а затем уже вести дебаты на идеологические темы, обсуждать то, с чем в тот период церковь могла быть не согласна.

Поддержка и участие РПЦ в борьбе с нацизмом, то, что церковь вносила свой пусть и небольшой, материальный вклад в победу — вспомним выделенные ею средства на бронепоезд, — вдохновляли людей на борьбу. Более того, православные общины, оказавшиеся на оккупированных территориях, которые немцы надеялись использовать в борьбе с советским режимом, с нашей страной, остались верны своему народу и Родине. Эта гитлеровская политика провалилась. Православные приходы, храмы, монастыри на оккупированных территориях постепенно становились центрами, вдохновляющими на сопротивление захватчикам. Есть примеры того, как эти приходы были связаны с партизанами, как священники укрывали людей, которых искали нацисты. Мы знаем, что к концу войны оккупационные власти получали из Берлина совершенно другие инструкции: нацисты как раз старались ограничить деятельность РПЦ на оккупированных территориях. Они поняли, что Русская православная церковь является носителем и защитницей национальных интересов русского народа, что она идет в авангарде борьбы с нацизмом, а не находится на его стороне.

Когда мы сегодня говорим о Великой Отечественной войне, пытаемся определить, что она значила для нашего народа, для многих народов нашей страны, для народов Европы, понимаем, что, прежде всего, это была народная война, война за свою независимость, самостоятельность, за свободу будущего развития. Оценивая так те события, ту войну, нам, конечно же, нужно оставаться последовательными в отстаивании исторической правды. Иногда приходится сталкиваться с крайностями: если в Восточной Европе налицо тенденция героизации нацистских пособников, нацистских деятелей, то у нас имеет место другая героизация, в частности, тогдашнего руководителя страны Иосифа Сталина. Наблюдается возрождение культа, хотя известно,

что советская система, в своих рамках, осудила этот культ, понимая все последствия такого правления, такого режима.

Иногда в нашей риторике, в нашей защите победы, имеющей огромное значение для нашего народа, для Европы, мы не разводим эти две темы: тему победы в Великой Отечественной войне и существование в Советском Союзе тоталитарного режима, который принес бедствия не только собственному народу, но и другим народам. Эти жертвы хорошо известны, их невозможно скрыть. Мне кажется, мы не должны здесь становиться фальсификаторами собственной истории и закрывать на это глаза. Мне кажется, наш Президент Д. А. Медведев очень мудро поступает: он был на годовщине падения Берлинской стены, сказал о том, как мы на это смотрим, а в день памяти политических репрессий 30 ноября в его интернет-блоге появилось прекрасное выступление с оценкой этих событий. Мы должны правильно расставлять акценты. Как мне кажется, это возможно. Кто-то утверждает, что невозможно добиться признания победы без оправдания всего советского времени, всех действий коммунистического режима. Мне же кажется, что это можно сделать. У нас есть другая задача — не впадать в крайности. Поэтому параллельно утверждению значения победы нужно помнить о жертвах репрессий, создавать мемориалы, чтобы память об этих людях не уходила из нашей истории.

Другой момент — нам нужно сегодня бороться с полуправдой, когда действительно открываются новые факты, их поднимают наружу, делают из них некие политические события, какие-то акции, но тем не менее не до конца эту правду вскрывают. В данном случае я имею в виду тему голодомора на Украине. Когда говорится только о голодоморе на Украине, это используется затем как антироссийская риторика. Это действительно пример полуправды. И нам в России нужно не спорить, не говорить о том, что этого не было. Нужно обращать внимание на то, что пострадали многие народы, и чтить их память. В этом отношении мудро поступил Святейший Патриарх Кирилл, когда был на Украине. Он посетил обелиск жертвам голодомора, сказал, что мы должны совместно помнить и чтить память людей, пострадавших не только на Украине, но и в Поволжье, Казахстане, вместе помнить об этой трагедии.

Сегодня мы прилагаем большие усилия по сплочению русского мира, для того чтобы вновь обрести наших соотечественников, хотя это люди совершенно разных взглядов, вплоть до потомков тех, кто сражался на стороне нацистов, в составе гитлеровских войск. Эти люди живут прежде всего в Латинской и Северной Америке. Они сегодня открыты для дискуссии. Недавно проходил Конгресс соотечественников. В рамках этого Конгресса была секция «Русская церковь и соотечественники». На ней священник из Канады, в частности, сказал: «Среди нашей эмиграции память о Великой Отечественной войне связана

только с одним событием — выдачей казаков Ленца». Вот это то, о чем они помнят и говорят. Но при этом он сказал, что он сам не пессимист, что люди открыты к восприятию каких-то фактов, дискуссий, просил прислать материалы о Великой Отечественной войне, особенно о том, как церковь в ней участвовала, чтобы они могли в приходах об этом рассказывать.

Мне кажется, что сегодня открывается возможность для дискуссии, особенно среди нашего русского мира. Здесь мы должны сделать акцент на том, чтобы выработать общие подходы, прежде всего

среди людей, ориентированных на русскую культуру, чтобы между собой, между людьми одной культуры, живущими в различных уголках мира, иметь какие-то общие оценки нашей истории. Мне кажется, это возможно, это можно сделать. Нам нужно приложить для этого усилия, устраивать конференции, проводить встречи, выпускать работы, приглашать людей, которые имеют разные точки зрения, чтобы вести обсуждения в спокойной дискуссии. Тогда у нас будет сильная позиция и в отношении людей других культур, других подходов.

Армен Гарникович Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь» МИД России

Хотел бы обратить внимание участников на специальный выпуск журнала «Международная жизнь» «История без купюр». Там раскрыты новые, малоизученные аспекты Второй мировой войны и очень интересна вводная статья академика Чубарьяна, в которой поднимается тема фальсификации и отмечается, что говорили на эту тему древние. Во многих толковых словарях трактуется, что термин «фальсификация» пришел в европейские языки из средневековой латыни. Впервые в европейских языках он появился во Франции, в середине XVI века. Англичане позаимствовали это слово у французов. Мы говорим об искажениях истории из корыстных или политических побуждений и это наиболее опасное направление или побудительный мотив.

На самом деле существует огромный пласт западноевропейской, западной историографии, где существует бессознательная фальсификация. Так что многие фальсификации, которые когда-то были сознательными искажениями, вошли в бессознательную часть менталитета Запада, стали стереотипами, которыми пользуются одни и те же многоуважаемые историки. Они опускают их на «более низкие этажи», распространяя в книгах, средствах массовой информации, учебниках. Поэтому для нас опасна как сознательная фальсификация, так и бессознательная. К тому же надо понимать, что у нас есть внутренний отряд «специалистов», занимающийся фальсификацией истории. Недавно один политолог, часто выступающий по телевидению со своим глобалистским подходом, заявил, что Россия — это новое государство, которому историческая память, по сути, только мешает.

Известно, что теория фальсификации очень популярна в научной среде, сознательной фальсификации. Все человеческое знание имеет теоретическое значение и абсолютной истины не может быть. Еще Понтий Пилат спрашивал стоящих пред ним: «Что есть истина?» Релятивизм, научная методика Запада, очень активно внедряется в сознание нашего молодого поколения. Вот знаменитый Сорос — и это прошло как-то незаметно — решил, что, если русские никак не могут придумать себе национальную идею,

давайте сделаем это за них. И что он стал делать? Он стал в России менять учебники истории. Он создал и стал финансировать структуры для изменения исторического сознания. А историческое сознание относительно.

Приведу одну цитату академика Д. С. Лихачева, который замечательно сказал, что, если вы хотите противодействовать фальсификации, надо убедительно показать цель, ради которой эта фальсификация совершается. В наше время представление об исторических источниках стоит на достаточно высоком уровне, и поэтому фальсификация не имеет никаких оправданий.

Так говорил академик Лихачев. Теперь же о современной теории и практике. В вводной статье к спецвыпуску журнала «Международная жизнь» академик Чубарьян рассуждает о том, как вообще «окружить» фальсификацию, как минимизировать ее влияние. Когда говорится «оставьте историю историкам», то здесь имеется в виду необходимость провести грань между политиком и историком.

Французское правительство, например, изъяло упоминание о французском колониализме из учебников. Интересно. Был предложен текст, как вообще интерпретировать те или иные исторические события.

В обиход вводится такое понятие, как многофакторность. Учет и введение в научный исторический оборот многофакторности — это, конечно, крайне важно. Если мы что-то утаиваем, то почему? Есть одна замечательная статья Л. Н. Толстого, эпиграфом к которой он написал: «Ничего не утаю». Но мало прямо не лгать, не надо умалчивать факты.

Соборное мышление в церкви введено для того, чтобы выбирать, чтобы из всей полноты учения, из всей полноты известных обстоятельств выбрать что-то конкретное. Это такой исторический дальтонизм — человек видит только определенные цвета. Требуется анализ и использование многофакторной методологии для освещения исторического события. Скромно замечу, что спецвыпуск «Международной жизни» этим отмечен. В нем вводятся совершенно новые темы, например, о наших военнопленных

в Норвегии. Должно быть стыдно, что там нет ни одного памятника 130 тысячам военнопленных, которые прошли сквозь кошмарные фашистские лагеря. У нас мало кто об этом знает. Знают специалисты. В Советском Союзе пытались скрыть эти факты. Даже не награждали членов норвежского сопротивления. Нельзя было скрыть, что среди них было много бежавших советских военнопленных. Надо, конечно, поставить им памятник.

Еще один вопрос, который сегодня очень важен. Это вопрос о вине солдат вермахта. Говорят, что все делали СС, разные карательные отряды. А что до вермахта, то солдаты просто выполняли свой долг. Вы знаете, что Нюрнбергский процесс обвинил и осудил верхушку вермахта. А те, кто участвовал в расстрелах, не обязательно все были людьми из СС. Зачастую носили простую солдатскую форму. Хотел бы особо обратить внимание на эту статью, и не только германистов.

Еще одна тема — судьба наших «остербайтеров». Правильно говорят исследователи, что мало только собрать всю массу интерпретаций. Это люди уходящей эпохи. Мы теряем возможность со всеми ними поговорить. Когда-то эта тема была закрытой. Герой войны, ветеран — да, уважение и почет. Военнопленный — плохо. А уж «остербайтеры» — это было совсем вне обсуждений. Люди, которые сегодня работают над документальным фильмом о них, которые этим занимались, сами возмущались и говорили, что многие факты были от них скрыты.

Думаю, что открытие этих новых тем, этих новых направлений, архивов, фактов, которые могут войти в общественное сознание, — это очень важно. На мой взгляд, это задача, в том числе и для Комиссии по фальсификации при Президенте РФ. Мне

понравилась высказанная здесь точка зрения, что необходимо помочь архиву, архивистам. Они делают огромную работу с минимальным количеством кадров. Надо помочь архивам, профинансировать их, помочь с подготовкой кадров. Очень важно добавлять новые факты, поскольку учебники имеют тенденцию надоедать и устаревать. У нас есть мощный ресурс для работы. Да, Израиль, несомненно, наш стратегический союзник в отстаивании правды о Второй мировой войне. Но есть у нас союзники и в Соединенных Штатах, и в других странах. Недавно я увидел опубликованную в США книгу, где на основе анализа дипломатической переписки английской автор показывает отношение к российским жертвам Второй мировой войны. «Каждый убитый русский — это спасенный американец или англичанин, — пишет Черчилль, — и мы должны подождать с открытием второго фронта». И это в то время, когда разворачивается битва под Курском и три миллиона советских, русских солдат в ней участвуют, полмиллиона в ней погибает.

Когда мы анализировали английские учебники истории по заданию МИДа, то увидели, что там написано, что Лондон виноват в том, что был подписан пакт Молотова–Риббентропа. Виноват вследствие того, что Лондон и Париж не пошли на подписание соглашения с СССР.

Есть положительные моменты, но их не очень много. Мы не должны рассматривать борьбу с фальсификацией истории как какую-то контрпропаганду. Мы должны рассматривать ее как важный вклад в наше общественное сознание, показать нашу историю как часть истории Европы, расширять круг контактов, приглашать публиковать статьи, приглашать на конференции, особенно молодых историков.

**Александр Владимирович Фоменко,
директор Центра изучения конкурентных преимуществ и альтернативных стратегий
развития, Российский государственный торгово-экономический университет (РГТЭУ),
член ПАСЕ (2005–2008)**

Пересмотр учеными-историками как своих собственных взглядов, так и взглядов предшественников на самые важные, судьбоносные исторические события происходит постоянно и по самым разным поводам. Любые новые находки, собственно, являются поводами для новых интерпретаций — то есть для ревизии старых представлений.

С другой стороны, любые политические изменения в обществе ведут к изменению, в том числе, и правил научного поведения. Так, глубочайшую ревизию (вплоть до фальсификации) всего корпуса научных представлений об истории России и русского народа провели в свое время большевики-ленинцы. Позднее их представления, в свою очередь, подвергли серьезной ревизии (исправлению) большевики-сталинцы.

Разного рода ревизиями истории занимались и при Хрущеве, и при Горбачеве, и еще более — при Ельцине, после роспуска СССР.

Ревизия тех или иных взглядов на исторические события сама по себе может служить поводом для беспокойства государственной власти (если вопрос касается основополагающих политических мифов того или иного режима), но обычно не служит поводом для особого беспокойства.

В Соединенных Штатах, например, историки-ревизионисты (как Х. Элмер Барнс, например) уже в тридцатые годы прошлого столетия подвергали сомнению необходимость участия США в Первой мировой войне. И уже начиная с конца сороковых годов многие авторы сомневались, исходя из своего понимания национальных интересов страны,

в необходимости участия США во Второй мировой войне. Но это не привело к прекращению официальной и неофициальной героизации участников обеих мировых войн.

Более того, уже лет сорок в США (под защитой Первой поправки к американской конституции) другие ревизионисты издают целые тома разного рода исследований, ставящих под сомнение основополагающие представления о ходе и количестве жертв Второй мировой, включая Холокост. Но при этом США продолжают торжественно отмечать годовщины высадки в Нормандии, а Израиль оставался главным стратегическим союзником США на Ближнем Востоке.

Мы бы тоже могли, в свою очередь, вынести любые ревизии или даже фальсификации в печати, если бы наши «блокбастеры» были на высоте. Но они не на высоте. Хотя мы, разумеется, в отношении к истории двух мировых войн находимся в несколько ином положении, нежели Соединенные Штаты: градус нашего отношения к памяти о Второй мировой войне всегда будет выше американского.

Естественная ревизия исторических представлений задевает общество лишь тогда, когда она касается не национальной истории, а живой народной памяти, еще не ставшей собственно историей, как об этом в свое время говорил У. Черчилль. Строго говоря, ревизия может ощущаться обществом как «фальсификация» (становиться, так сказать, общественно признанной «фальсификацией») только в том случае, если исторические изыскания и уточнения начинают использоваться для пересмотра политических оценок в тот момент, когда политическая реальность не предполагает возможности такого пересмотра.

А сегодняшняя политическая реальность Европы явно не предполагает этого. Из-за того, что все существующие на современном Западе политические режимы легитимированы именно былой победой коалиции демократических наций, в «старой Европе» никто не ставит под сомнение роль англосаксонских солдат-освободителей, пришедших в Западную Европу в 1944–1945 годах. Все попытки пересмотра происходили и происходят только в «новой Европе».

При этом ссылки наших политических и государственных деятелей на мифологию «антигитлеровской коалиции» не имеют большого смысла для их западных собеседников: времена «большой тройки» для континентальной Европы давно канули в лету. Европейцев не особенно греют воспоминания о том, как их судьбы в 1945 году определяли за столом переговоров прибывшие из-за Ла-Манша англосаксы и русские коммунисты.

Последствия исторической фальсификации — пересмотра политических оценок Второй мировой войны, производимого под видом и предлогом ревизии существующей версии истории, несут угрозу, не всегда осознаваемую, существующей системе международных отношений. Ибо означают восстановление, под тем или иным предлогом, старой парадигмы

внутривидового соперничества в отношениях между европейскими державами, уже дважды приведшей континент к военной катастрофе.

1945 год был не только годом военного торжества либерализма и коммунизма, но и годом военного поражения идеи этнического и расового национализма. Многонациональные имперские миры Вены и Петербурга, разрушенные в Версале под аккомпанемент мантр о «самоопределении» различных народов, были отомщены.

1945 год был годом прекращения внутриевропейского соперничества и противостояния: оказавшись зажатыми между Москвой и Вашингтоном, европейские страны именно тогда почувствовали свою континентальную общность поверх блоковых барьеров. (Хотя этот результат, разумеется, не планировался ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, ни в Москве.)

Реактивная политика России в области *Soft Power* должна уступить место политике активной, инициативной. Мы сами должны заняться интеллектуальной ревизией «общепринятых» сегодня мнений и интерпретаций истории, даже недавней. Для этого, правда, нам самим придется расстаться — не в ущерб нам — с некоторыми историческими иллюзиями и штампами, ставшими привычными за прошедшие десятилетия.

Нужно прекратить замалчивание многогранной темы взаимоотношений Европы и гитлеровского нацизма — весьма неудобной для правящих либеральных европейцев всех стран, даже тех, кто оказался в 1945 году на *правильной* стороне, на стороне англосаксонско-советских победителей.

Пора нам, наконец, вдаваться в теоретические и практические различия между различными версиями европейского антилиберального и антикоммунистического национализма первой половины прошлого века, а не обзывать всех без исключения врагов коммунизма и либерализма «фашистами», имея в виду при этом исключительно немецких национал-социалистов.

Это особенно забавно, если вспомнить, что в июле 1943 года именно Высший совет фашистской партии проголосовал за отставку Муссолини и некоторые его заслуженные члены, как Де Боно, заплатились за это головой. Но в итоге последовавших событий Итальянское королевство в сентябре того же года замирилось с антигитлеровской коалицией, а 13 октября даже объявило войну Германии.

Нет смысла продолжать неумеренное прославление «движения Сопротивления», не имевшего сколько-нибудь большого значения для военных усилий антигитлеровской коалиции. *Сопротивление* в странах старой Европы носило вполне локальный характер; более или менее масштабное партизанское движение существовало лишь на территории Сербии.

В целом, граждане западноевропейских государств поступали в ряды добровольцев *Waffen-SS* в гораздо большем количестве, нежели в ряды

Сопrotивления. И воинским подразделением, до последней капли крови защищавшим берлинскую рейхс-канцелярию от наступающих советских частей, была рота именно французской дивизии СС «Шарлемань».

«Неизвестные страницы» существовали в послевоенные десятилетия не только для советских граждан. Не только в Москве, но и в Париже, Лондоне, Вашингтоне предпочитали не вспоминать и о том, как именно появился на свет и что представлял из себя знаменитый «вишистский режим».

Маршала Филиппа Петэна законно избранный французский парламент в 1940 году, с соблюдением необходимых формальностей, наделил полномочиями главы *Французского государства*. И он был в глазах антигитлеровских союзников законным главой Французского государства до 1941 года — в случае с СССР, и до 1942 года — в случае с США и Великобританией. Он сам разорвал отношения как с Союзом ССР — после начала германо-советской войны, так и с англосаксами — вследствие явного нарушения ими французского суверенитета, вторжения их на территорию французской Северной Африки.

Французское государство не капитулировало перед Германией: военные действия на францoзско-немецком фронте были остановлены после подписания Петэном простого *перемирия*. И условия этого перемирия Парижа с Берлином были не тяжелее условий знаменитого Брестского мира, подписанного в 1918 году большевиками.

Глава Французского государства, как и вождь Испании — генерал Франко, так и не объявил войны ни США, ни СССР. То есть они так и не стали союзниками Гитлера. Берлин довольствовался возможностью использовать на Восточном фронте части французских и испанских добровольцев.

Десoветизация Российской Федерации не могла не привести к восстановлению, на какое-то время, идеологического противостояния прoреволюционных и антиреволюционных взглядов — в самых разных областях.

В известном смысле закономерным было появление в постсоветской РФ таких экзотических персонажей, как священник Георгий Митрофанов (в своем заскорузлом антисоветизме дошедший до морального уравнивания царского генерала Краснова, не изменившего *двуглавному орлу*, — открытого врага *Красного Знамени*, и дважды предателя советского генерала Власова).

Хотя смешно сегодня говорить о *борьбе с коммунизмом*, а не с *Россией*, в применении к всеевропейскому походу против СССР 1941–1945 годов. Очевидно, что национал-революционер Гитлер не рассматривал для России никаких реставрационных проектов, а любой антикоммунистический проект неизбежно реставрационен, хотя бы по форме.

Сегодня можно только сожалеть о политической и человеческой наивности, с которой на «антикоммунистическую» идейную приманку клюнули многие

европейские антикоммунисты, русские белоэмигранты и бывшие советские граждане.

Не дожидаясь ничьих подсказок (совсем не всегда добросовестных), мы сами должны отвечать на вопрос, почему никогда ранее народы Российской империи не испытывали к своим управителям таких чувств, какие испытывали в 1920-е или 1930-е годы народы СССР?

Если в 1914 году латыши верноподданнейше просили Государя даровать им возможность создать национальные части латышских стрелков для борьбы с германской армией¹, то в 1941 году национальные латышские части формировались уже и на немецкой стороне, в рядах *Waffen-SS*.

Если в 1916 году Государь благодарил за военные подвиги на австрийском фронте своих *славных ингушей и чеченцев*, добровольно вступавших в его армию, то в 1944 маршал Сталин вынужден был высылать тех же горцев, не будучи удовлетворен их лояльностью советскому режиму.

Русскую судьбу в XX веке можно, действительно, считать трагической. Потому что в высоком жанре трагедии все протагонисты правы, но итог трагедии — катастрофа и катарсис.

Можно признать, что у бойцов Русского корпуса генерала Штейфона, воевавшего в Югославии против коммунистических партизан Тито, как и у казаков Краснова и фон Паннвица, была своя правда в той войне. Но это совсем не отменяет того бесспорного факта, что своя правда была и у генштабистов Шапошникова, и у солдат Рокоссовского. И Шапошников, и Рокоссовский, кстати, были офицерами еще царского производства. Эта-то историческая правда, правда Шапошникова, а не Краснова и победила в 1945 году.

Важный для нас сегодня вопрос — ревизия советских иллюзий о «всемирно-историческом значении» нашей победы во Второй мировой войне. Для ощущения законной гордости за страну и народ нам должно быть вполне достаточно сознания того, что это была *наша великая победа в нашей Отечественной войне*, что в такой войне не мог добиться военной победы *никто, кроме нас*.

Именно мы нанесли военное поражение врагу на поле боя: англо-американцы, канадцы и французы так никогда и не почувствовали, к счастью для них, что означают слова, выбитые на сталинских медалях: «За взятие...» — *Кенигсберга, Берлина, Вены и Будапешта*.

Комендант 18-тысячного немецкого гарнизона Ла-Рошели, за время оккупации превращенной в неприступную твердыню, после высадки союзников в Нормандии получил из Берлина приказ оборонять город до последнего, а затем взорвать его. Вполне осознавая бессмысленность сопротивления, но не желая позорного плена без боя, он в октябре 1944-го заключил с представителем де Голля соглашение о «ненападении» и спустил флаг лишь 8 мая 1945 года. Это, действительно, была другая война, не наша.

Не следует забывать о том, что в окружающем нас мире никто, по большому счету, кроме самих британцев, не был столь уж заинтересован в победе союзников.

Едва освободившиеся от власти «коварного Альбиона» ирландцы в течение всей Второй мировой войны, например, явно предпочитали наблюдать победы немецкого оружия, а не британского. (Президент независимой Ирландии де Валера в последний раз поздравил рейхсканцлера Адольфа Гитлера с днем его рождения в апреле 1945 года.)

Для многих граждан США, особенно где-нибудь на Среднем Западе, тогдашняя европейская война (в отличие от войны тихоокеанской) представлялась не более необходимой, нежели ведущаяся сейчас иракская кампания.

Та часть населения Индии и других азиатских и африканских британских колоний, что тяготилась колониальным статусом и мечтала о деколонизации, тоже предпочла бы видеть победу нацистской Германии над колонизаторами из Лондона.

Иранские патриоты тоже вряд ли радовались тому, что территория их страны в годы Второй мировой войны была оккупирована СССР и Британской империей и что безо всякого спросу на их земле наша «Большая тройка» проводила свои встречи.

**Евгений Михайлович Астахов,
профессор кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол**

Геополитическая ситуация вокруг России остается сложной. Несмотря на новую риторику, линия на ослабление России продолжается. Впереди возможно усиление давления извне, в том числе в плане борьбы за природные ресурсы.

Ситуация в России в последнее время ухудшилась. Мировой кризис подтвердил слабость экономики, ее зависимость от внешней среды. Экономическая, следовательно, и политическая безопасность нашей страны не обеспечена. За последние 20 лет, по сути, ничего не построено, кроме элитного жилья, торговых сетей и фасадов банков. Страна фактически живет за счет советской экономики, в том числе и в нефтегазовой сфере. Естественная изношенность оборудования ведет к техногенным катастрофам. Теневой менталитет бизнеса в любой момент может вызвать массовый отток капиталов. «Африканский» разрыв в доходах подрывает социальную стабильность. На этом фоне попытки фальсификации истории — это не просто разные точки зрения, это еще одно направление прессинга против России. За, казалось бы, «невинной» полемикой историков стоят долгосрочные стратегические задачи.

Кроме геополитики здесь присутствуют и корыстные материальные интересы. Стоит начать процесс признаний и извинений, и мы сразу получим поток встречных претензий.

По схожим причинам националистически настроенные латиноамериканцы не особенно радовались победам североамериканских «гринго». А после войны именно в Латинской Америке укрывались бежавшие из Европы разнообразные гитлеровцы.

Вне зависимости от того, насколько велико всемирно-историческое значение нашей Победы в Великой Отечественной войне для глобализирующегося мира, для одной шестой части земной суши — территории Российской империи и СССР — 9 мая — великий день. Значение его для нас нельзя переоценить.

Именно по этой причине столь чувствительными для нас являются вопросы углубления (и, следовательно, ревизии) исторических знаний и представлений о войне.

И именно поэтому нам необходимо твердо противостоять попыткам злонамеренного интеллектуального и эмоционального воздействия на нашу историческую память.

Но целей своих мы можем достичь лишь в том случае, если сами будем предлагать просвещенному вниманию наших западных соседей собственные интерпретации истории, собственные версии устоявшихся представлений — не в ущерб, а на пользу России.

Сейчас упор делается на так называемой «равно-великой ответственности СССР и Германии» за начало Второй мировой войны. Если в этом вопросе занимать пассивную позицию, то неизбежно будут набирать силу требования отдать Курильские острова и Сахалин, Карельскую область и Калининград и т.д. Одновременно будут нарастать финансовые претензии за Катынь, «оккупацию» Прибалтики, за депортацию и репрессии.

В рамках этой общей линии есть и «страновые» нюансы. У Польши помимо исторической русофобии, есть чисто спекулятивные расчеты на «компенсацию». Украинское руководство стремится утвердить государственность. До вхождения в Российскую империю Украина в самостоятельном плавании существовала далеко не в нынешних границах, отсюда агрессивность украинской «оранжевой» элиты в решении следующих задач:

- демаркация границы с Россией;
- «украинизация» русскоязычного населения;
- автономизация православной церкви;
- вывод Черноморского флота из Крыма;
- инкорпорация в ЕС и НАТО.

Решение этих задач требует сплочения разношерстного населения на навязываемом национализме и русофобии.

«Странные» учебники истории в Закавказье и Средней Азии замешены на национализме

и заигрывании с Западом с целью получения дополнительных дивидендов. С Прибалтикой многое ясно: укрепление государственности в «опасном» соседстве с Россией, подавление русскоязычного населения, надежды на материальную компенсацию за «оккупацию» и депортацию, подыгрывание евроатлантистам.

Попытки фальсификации внутри России осуществляются под флагом свободы мнений, прав человека, чистоты академических исследований. Есть люди, которые искренне так считают. В либероамериканском мире есть понятие о «полезной наивности». Это относится и к нашим прекраснородушным либералам, которые внесли свой вклад в расчленение России в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия.

Исторически российские либеральные круги всегда ориентировались на западные ценности, и они молча или открыто сочувствуют фальсификаторам. Эти круги считают, что надо покаяться за всю российскую историю. «Евроцентризм» характерен и для части российской политической элиты. Это явственно проявилось, в частности, в 90-х годах XX века.

Но есть организации и люди, которые поддерживают фальсификацию по политическим соображениям. Они явные противники режима и готовы ухватиться за все, что может подорвать позиции нынешнего руководства. В этом много намешано, но главное — стремление вернуться к власти, которой они владели или которую ранее поддерживали.

Есть и такие люди, которые считают Россию «неудачной страной» и хотели бы здесь ввести нечто вроде внешнего правления в форме полного инкорпорирования России в ЕС и НАТО. Такие настроения стимулируются, а подчас и финансируются извне.

Очень опасна полемика вокруг учебников истории. Либеральная часть общества выступает против «государственных» учебников. Они за их разнообразие и полную свободу преподавателей. Можно представить в качестве такого свободного учителя, например, Новодворскую. Результат ее преподавания будет очевиден.

Во многих странах такой «псевдосвободы» нет. Учебный день в школах начинается с подъема флага и исполнения гимна. Школы нацелены на патристическое воспитание и этого не стыдятся, как в нынешней России.

У наших либералов солнце встает на западе. Но попробуйте в этих западных странах преподавать их историю в негативном свете. Такой преподаватель будет выкинут из школы на следующий день.

После катаклизмов 80–90-х годов прошлого века Россия сейчас проводит политику компромисса. Во внешней сфере такая политика прагматична. Но когда эта прагматичность принимается за слабость, Россия дает жесткий ответ, как это было в августе 2008 года. Так же нужно действовать и с фальсификаторами. Попытки фальсификации истории — это не наследие «холодной войны». Это продолжение все той же политики времен Александра Невского, захвата по-

ляками Москвы, нашествий Наполеона и нацистской Германии. Сейчас НАТО продолжает продвигаться к границам России с перспективами выхода на линию Смоленск — Брянск.

В целом у внешних фальсификаторов ясная наступательная линия на твердой основе геополитических интересов. Противодействие России внешним фальсификаторам — робкое и не всегда внятное. Активность на этом фронте Д. А. Медведева и В. В. Путина во многом гасится мощной и фактически скоординированной пропагандистской машиной Запада.

На более низких уровнях, в том числе в академической науке и в СМИ, мы все время как бы извиняемся. Да, «мы поступаем нехорошо, мы сожалеем, но, видите ли, были такие обстоятельства...». Эти сожаления сглаживают и требуют дальнейших и более конкретных уступок.

Встает принципиальный вопрос: почему Россия постоянно в защите, а Запад в нападении? Потому что на Западе, мол, все со знаком «плюс», а у нас со знаком «минус»? Да нет же, все, в том числе на Западе, знают, что это не так.

Но Россия все равно в защите. Так было во времена Хельсинкского процесса, который мы, если судить по его результатам, проиграли вчистую. Советское руководство исходило из того, что главное — закрепить Ялтинскую систему, границы, а с «третьей корзиной» — права человека и демократические свободы — удастся справиться.

Где сегодня проходят границы России, за которые боролись на всем протяжении Хельсинкского процесса? Многие наши либералы, которые называют Россию «этой страной», считают, что границы не имеют существенного значения, чем меньше будет Россия, тем удобнее в ней будет жить. Найдите хоть одну страну в мире, в которой ее население думало бы подобным же образом о своей стране.

Уже не оборона, а беспрецедентное геополитическое отступление наблюдалось при Горбачеве и Ельцине, которые сделали все возможные уступки.

Наступление Запада продолжается и сейчас. Делать уступки мы перестали, но тональность остается оборонительной. Наступательная тактика присуща и нашим внутренним фальсификаторам. Объекты ударов: политический режим, армия, правоохранительные органы и права человека, демократия, Россия. Все те же цели, которые Запад обозначил во времена Хельсинкского процесса.

Что делать? Первый шаг сделан — создана Комиссия по противодействию фальсификации истории. Но пока ее работа носит консультативный, а по сути дела, оборонительный характер. С самого ее создания комиссия стала объектом нападков со стороны оппозиционных политиков, СМИ и историков, требующих отстранения государства от исторической науки. Лозунги все те же — демократические свободы и права человека.

Некоторые члены комиссии стали оправдываться: ее работа будет направлена против внешних фальсификаторов, участия государства в изучении истории не будет, пусть «расцветут сто учебников», а учитель, мол, «сам выберет, что преподавать».

Чего мы стесняемся? Почему государство не должно участвовать в воспитании молодежи? Вся политика вокруг фальсификации подтверждает необходимость качественного улучшения государственной пропаганды. А этого нельзя добиться без создания государственного органа, который бы координировал всю внешнюю и, я подчеркиваю, внутреннюю пропаганду.

Во времена СССР такой орган был, но его эффективность катастрофически ограничивалась идеологи-

ческими рамками. Сейчас таких рамок практически нет, но нет и координации.

Такой государственный орган необходим и для улучшения образа России за рубежом. Западные страны имеют государственные механизмы для такой работы. У нас, по существу, это только начинается с созданием телеканала Russia Today. Канал неплохой, но ему пока трудно соперничать с CNN, BBC и другими СМИ.

Финансовое положение страны сейчас сложное. Есть другие приоритеты. Но недоработки в пропаганде оборачиваются финансовыми потерями уже сейчас. В будущем эти потери могут стать еще более значительными.

Михаил Матвеевич Наринский, заведующий кафедрой МО и ВП России МГИМО (У) МИД России

Тема нашей сегодняшней конференции очень важна и актуальна. Здесь уже много сказано по различным аспектам этой важной проблемы, поэтому я осмелился принять участие в этом обсуждении только потому, что мне в 2007–2008 годах пришлось участвовать в дискуссиях, организованных Комиссией Европейских сообществ по вопросам преступлений тоталитарных режимов, в ходе которых я вплотную столкнулся с фальсификациями истории Второй мировой войны, роли Советского Союза, роли России, услышал аргументы, которые выдвигаются против Советского Союза, против современной России. Лейтмотив таких обвинений достаточно хорошо известен, это — агрессия, оккупация и геноцид. Вот набор стандартных обвинений, который предъявляется Советскому Союзу со стороны представителей государств Балтии, со стороны польских экспертов. Их иногда поддерживали некоторые другие участники дискуссий.

Почему это все происходит? И зачем нужны эти фальсификации? С моей точки зрения, есть две основные причины. С одной стороны, идет сложный процесс выработки какой-то новой идентичности во всех этих государствах. Вторая сторона дела — это то, что, включившись в евроатлантические структуры, государства Восточной Европы стремятся повысить в них свой собственный вес, всячески апеллируют к своему трудному прошлому, при этом часто обвиняя Россию или Советский Союз. Имеется в виду, что им должны все участники Европейского Союза сочувствовать, но, еще лучше, помочь материально. Соответственно, апелляции обращены зачастую не к России, а скорее к их партнерам по ЕС, к старой Европе.

Я бы не совсем согласился с К. К. Проваловым, который говорил, что вся Польша уже пропитана антироссийским духом, а с Прибалтикой дело обстоит лучше. Может быть, если изучать массовую психологию, это и так. Может быть, действительно, в Польше эти антироссийские настроения более укоренены. Но вот элита прибалтийских государств выступает с более

непримиримых позиций, делая на этом свою политику, свой собственный образ в рамках ЕС. Как противостоять нападкам на советскую политику, на политику России? Во-первых, мне кажется, что наши оппоненты очень многие события отрывают от контекста Второй мировой войны, рассматривают их изолированно. Хотя даже польские историки, которые не испытывают особых симпатий к Советскому Союзу, признают, что все-таки основным виновником Второй мировой войны, основным виновником слома территориально-политического устройства, которое существовало до 1939 года, была нацистская Германия, гитлеровская политика. Я думаю, что в этой связи нам очень важно отстаивать решения, которые были приняты в Нюрнберге, не допускать какого-то пересмотра или дополнения этих решений. Надо сказать, что эксперты и политики из стран Прибалтики все время стремятся именно модифицировать решения Нюрнберга, модифицировать и расширить то, что было в Нюрнберге зафиксировано.

Второй момент. Те эксперты, в частности, польские, которые обвиняют во всем Советский Союз и Россию, совершенно не учитывают внутривосточную борьбу в странах Балтии в 1939–1940 годах. Добавлю к этому, что польские историки, когда объективно рассматривают процессы, проходившие на территории Польши в 1939 году, вынуждены признать, что вступление Красной Армии в восточные области Польши и установление в этой части Польши советской власти было положительно встречено беднейшими слоями белорусского и украинского населения. На этих польских территориях, с точки зрения социально-политической борьбы, все обстояло не так просто. Игнорировать вот эти слои украинского и белорусского населения, которые действительно приветствовали приход Красной Армии, было бы методологической ошибкой.

Третий пункт, по которому, как мне кажется, идет очень острая борьба, это геноцид. В этом вопросе наша позиция достаточно уверенная. Она должна базироваться на Конвенции о предупреждении

преступления геноцида и наказания за него 1948 года. В этой Конвенции четко сказано, что под геноцидом понимается сознательное уничтожение определенной группы населения, или части этого населения, причем, под это определение подпадают действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, расовую, этническую, религиозную группу как таковую. В Конвенции определение геноцида дано достаточно четкое, и те факторы, по которым те или иные действия подходят под определение геноцида, — это именно стремление уничтожить определенную группу людей по национальному, этническому, расовому или религиозному принципу. С этой точки зрения даже такое сталинское преступление, как Катынь, расстрел польских офицеров, военнослужащих, оказавшихся в руках советских властей, не подпадает под определение геноцида, поскольку уничтожение этих людей осуществлялось по социально-политическим признакам, а не по принципу их расовой принадлежности. Их расстреливали не потому, что они — поляки, а из-за того, что они были решительно настроены против советской власти. Именно это обусловило их трагическую судьбу. Я думаю, что решение польского Сейма, в котором говорилось о признаках геноцида, является контрпродуктивным, и мы ни до чего не договоримся, не найдем никакой общей основы, если речь будет идти о каких-то признаках геноцида.

На мой взгляд, наше противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России целесообразно строить по нескольким направлениям. С одной стороны — расширять наши исторические исследования, расширять доступ к документам, вводить

в оборот новые архивные документы. Это не значит, что вводом в оборот новых документов мы кого-то из наших оппонентов переубедим. Но это позволит нам более аргументированно излагать нашу собственную точку зрения и более убежденно ее отстаивать. С другой стороны, необходимо отделить Великую Победу советского народа в Отечественной войне от тех преступлений сталинизма, которые имели место. Думаю, что отрицать эти преступления в виде массовых депортаций целых народов, расстрелов нецелесообразно. Хорошо, что указанные народы пока не поднимают вопрос о геноциде. Ведь это гораздо более серьезная вещь. Думаю, что сталинские преступления необходимо признать, как это недавно сделали и наш Президент Д. А. Медведев, и наш глава Правительства В. В. Путин, которые заявили, что никакими успехами в деле модернизации не могут быть оправданы те жертвы, которые имели место в период правления Сталина.

Что же касается наших союзников, в Старой Европе есть много людей, которые к нам относятся достаточно благожелательно, которые не поддерживают нападки на Советский Союз, на Россию со стороны стран Балтии, со стороны некоторых польских историков. Однако надо учитывать и «двойную дипломатию» представителей старой Европы. Когда беседуешь с ними в кулуарах, они говорят: «Да, да, мы все понимаем, это все комплексы прибалтов. Не обращайтесь на них внимания. Мы вам сочувствуем, понимаем вашу позицию». Потом, когда дело доходит до официального обсуждения, официального голосования, они голосуют за прибалтийские формулировки, их поддерживают. Здесь вступает в силу механизм солидарности в рамках ЕС. Тем не менее союзников можно и нужно искать.

**Ренальд Хикарович Симонян,
ведущий научный сотрудник Центра североевропейских и балтийских исследований
ИМИ МГИМО (У) МИД России**

Оккупационная доктрина, принятая в странах Балтии, служит юридическим основанием для решения целого ряда как практических, так и идеологических проблем. На ее основе происходит дискриминация сотен тысяч постоянных жителей этих стран (ограничения на занятие должностей, лишение права участвовать в парламентских выборах в Эстонии, а в Латвии, помимо этого, и в местных выборах), выдвигаются финансовые претензии к России.

Была ли оккупация или ее не было — вопрос, который сегодня активно дискутируется, во многом искусственный, противоречащий здравому смыслу. Действительно, что это за оккупация, когда власть не только никак не ущемила прав «оккупируемых» по сравнению с правами «оккупантов», не ввела никакого «оккупационного режима» на их территории, не назначила сюда своих генерал-губернаторов (как это делала, например, Германия, назначив на оккупированных территориях гауляйтеров), не

ввела других соответствующих оккупационному режиму атрибутов, а решение о вступлении в СССР приняли в 1940 году легитимные органы власти — парламенты Латвии, Литвы и Эстонии, избранные на основе существующих в этих странах государственных законов. В отличие, кстати, от решения о независимости этих республик в 1991 году, которое было принято их Верховными Советами, т.е. органами «оккупационного режима», что переводит дискуссию об оккупации в плоскость политического курьеза.

И, наконец, что это за оккупация, когда «оккупанты» последовательно осуществляют преимущественное инвестирование в оккупированные территории и повышение уровня жизни их населения в ущерб собственному народу, развивают там национальную культуру, не уделяя при этом должного внимания прогрессу собственной культуры? Например, «оккупированная» Латвия с населением в 2,5 млн человек полу-

чала в советское время из госбюджета в 4 раза больше, чем Воронежская область с населением в 2,8 млн человек. В советской Прибалтике был не только самый высокий уровень доходов, но и условия жизни здесь были более комфортными, чем в других регионах Советского Союза. Даже давление идеологического пресса ощущалось значительно меньше.

И это неудивительно, поскольку опережающее развитие национальных республик и автономий было стратегической линией Центра в Советском Союзе. Русские, приехавшие после войны в прибалтийские республики, прибыли сюда не как оккупанты, а как строители, производственники и другие специалисты, вложившие свой труд в развитие этих регионов.

Если СССР и был империей, то она была очень странная — «империя наоборот», в которой «колонии» питались соками, выжимаемыми из «метрополии». Это по существу.

В странах Балтии есть немало серьезных историков и юристов, которые имеют свой собственный взгляд на события 1940 года, во многом расходящийся с нынешней «генеральной линией». Но их голоса не так слышны в общем хоре. Более того, они могут быть подвергнуты санкциям.

Вот показательный пример. В конце 1991-го и начале 1992-го годов возник конфликт между будущим первым президентом Эстонии, а тогда министром иностранных дел Леннартом Мери и его заместителем — известным правоведом-международником профессором Рейном Мюллерсоном. Причина конфликта заключалась в том, что Р. Мюллерсон, анализируя документы, связанные с присоединением Эстонии к СССР, пришел к выводу, что юридически оккупации не было, все соглашения с Советским Союзом были подписаны президентом Константином Пятсом — легитимным тогда главой государства — без каких-либо оговорок, комментариев или последующих заявлений. Такой вывод не устраивал министра. Р. Мюллерсону был устроен разнос, и он был изгнан со своей должности.

Этот эпизод достаточно убедительно характеризует ситуацию, сложившуюся в Прибалтике после распада Союза. Здесь идея «оккупации» канонизирована, на ее основе построена вся система правового регулирования гражданских отношений в Эстонии и Латвии, на ней воспитано уже поколение молодых граждан этих стран, которые «оккупацию» впитали в себя с молоком матери.

Обстоятельства и процедура вхождения в состав Советского Союза уже никого здесь не интересуют. Сложилось устойчивое представление о событии, давно перешедшее в разряд сакрального. Это представление для балтийских народов является в высшем смысле реальным, так как воплощает коллективный опыт осмысления действительности несколькими поколениями. Подобный надежный опыт служит предметом веры, а не логики, а тем более критики.

Чувства прибалтийских этносов по отношению к трагедии 1940, 1941, 1945–1949 годов, как и по отношению к сталинским преступлениям вообще, можно и нужно понять и уважать, но при этом не следует романтизировать исторический процесс. Как это ни обидно для прибалтов, но подобная практика была обычным делом еще совсем недавно, на протяжении XIX–XX веков, когда малые и даже совсем не малые европейские государства — Бельгия, Австрия, Нидерланды, Венгрия, Чехия, Сербия, Польша и многие другие — насильственно включались то в одну европейскую империю, то в другую. Все происходившие события имели и свое пространство, и свое время, а политические нормы в Европе, даже в первой половине XX века, были именно таковы.

Балтийские народы в 1940 году стояли перед ситуацией выбора между СССР и Германией, а русские тогда воспринимались там как меньшее зло. При этом необходимо особенно подчеркнуть, что главный гарант безопасности стран Балтии — Великобритания к этому моменту отказалась от каких-либо политических и военных обязательств, касающихся гарантий безопасности для государств Балтии.

Одним из любимых аргументов адептов «оккупационной доктрины» является присутствие советских воинских частей в момент проведения парламентских выборов в июле 1940 года.

Действительно, во время парламентских выборов там находились части Красной Армии. Но они присутствовали на основе межправительственных соглашений. А вот во время парламентских выборов в 2005 году в Ираке там находилась 200-тысячная армия США и их союзников. И при этом не на основе межправительственных соглашений, а в результате военных действий, то есть оккупации в строгом и точном значении этой дефиниции. Но ведь мировое сообщество никогда не подвергало сомнению легитимность этих выборов. «Потеря странами Балтии независимости была следствием общеевропейского международного политического кризиса, — пишет упоминавшийся выше эстонский историк М. Ильмярьв, — порожденно Мюнхенским пактом, договорами между Советским Союзом и Германией, германским вероломством, искусной пропагандой и ожиданиями ниспровержения Советского Союза и Германии и, с другой стороны, отсутствием реалистичной и независимой внешней политики на Балтике в 1939–1940 годах, а также той внутренней политикой, которая была распространена в этих странах, тогда как кардинальные сдвиги в большой европейской политике подготовили поле для потери суверенитета балтийскими государствами... Таким образом, тихая потеря независимости балтийских государств и их полное исчезновение с европейской политической арены были результатом долгого процесса, хотя не единственно по причине совершенно безысходной ситуации и не только из-за вынужденных действий, вызванных подписанием пакта Молотова–Риббентропа».

**Андрей Владимирович Иванов,
старший научный сотрудник ЦИВА и ШОС ИМИ МГИМО (У) МИД России**

Процесс фальсификации истории, затрагивающий интересы России, можно наблюдать не только на Западе, но и на Востоке, в частности в Японии. Применительно к этой стране российская реакция на факты фальсификации должна быть предельно аккуратной. Связано это с тем, что в последние годы российско-японские отношения, особенно в области экономики, развиваются чрезвычайно динамично. Японские деловые круги почувствовали выгоду экономического сотрудничества с Россией. Их не смущает даже отсутствие мирного договора между Москвой и Токио и нерешенность территориального спора. Положительным событием можно считать и приход к власти в Японии в начале сентября 2009 года лидера Демократической партии Юкио Хатоямы. Он неоднократно говорил о важности доверительных отношений с Россией и своем намерении продолжить дело своего деда Итиро Хатоямы, который, будучи премьер-министром Японии, подписал в 1956 году Совместную советско-японскую декларацию, предусматривавшую, в частности, заключение мирного договора и решение территориальной проблемы путем возвращения лишь двух из четырех требуемых ею островов.

Правда, это вовсе не означает, что кабинет Ю. Хатоямы в ближайшее время решится на компромисс в решении территориальной проблемы на условиях, которые в последнее время предлагала российская сторона, то есть на основании Декларации 1956 года. Во время двусторонней встречи с президентом России Д. А. Медведевым в Сингапуре в рамках Саммита АТЭС Ю. Хатояма, как известно, заявил, что японский народ не поймет решения японского правительства, если оно согласится на подобную уступку.

Судя по неофициальным, частным высказываниям некоторых российских политиков, дипломатов и ученых, занимающихся вопросами российско-японских отношений, они не видят большой беды в том, что японцы пока не готовы к компромиссу по Южным Курилам. Они исходят из того, что острова, которые японцы называют «японской территорией, незаконно оккупированной Россией», находятся в российской юрисдикции, и поэтому Россия готова терпеливо ждать, когда японцы «дозреют» до понимания необходимости пойти на компромисс ради заключения мирного договора. При этом они полагают, что даже если этого не произойдет, то есть устраивающий обе стороны компромисс по территориальной проблеме найден не будет, Россия и Япония все равно смогут развивать двусторонние отношения в сфере экономики, науки, культуры и даже политики. Поводом для такого оптимизма служит, видимо, опыт российско-японских отношений последних лет, показывающий, что России практически удалось навязать Японии свою тактику выстраива-

ния отношений, которая заключалась в том, чтобы сначала создать благоприятную атмосферу для решения территориального спора путем, в том числе, и всестороннего развития взаимовыгодного экономического сотрудничества. Напомним, что японцы, никогда на деле не отказывавшиеся от принципа «неотделимости политики от экономики», говорили, что только после заключения мирного договора на основе решения территориального спора можно будет ожидать действительной активизации двусторонних экономических отношений. Развитие российско-японских отношений по российскому сценарию вызвало негативную реакцию у части японской элиты. В частности, политический совет авторитетного «Японского форума по международным отношениям» весной 2008 года по итогам годовой работы нескольких десятков специалистов обнародовал доклад под названием «Подлинная сущность Российского государства и стратегия Японии в отношении с Россией». В нем, в частности, отмечалось, что «за российским предложением создать предпосылки для подписания мирного договора путем развития двусторонних отношений, прежде всего в экономической сфере, стоит стремление отложить решение территориального спора в долгий ящик. Поэтому «Япония должна четко дать понять России, что: 1) отсутствие решения привело к серьезному чувству недоверия; 2) это недоверие ограничивает японские инвестиции в Россию и сотрудничество с ней; 3) только решение проблемы побудит Японию прилагать усилия для полномасштабного экономического сотрудничества».

Там же содержались рекомендации правительству Японии обратить внимание на стремление России восстановить статус сверхдержавы даже ценой противостояния с США и Западом, в целом означающее не перемены в российских подходах, а восстановление ее подлинной сущности, и присоединиться к критике со стороны мирового сообщества за отход России от демократических позиций. Кроме того, «правительству и политикам Японии» настоятельно рекомендовалось «сделать все, чтобы японский народ полностью осознал тот факт, что территориальная проблема затрагивает не только японско-российские отношения, но и «сам суверенитет нации», что оккупация Советским Союзом «северных территорий» является незаконной с точки зрения международного права. Поэтому, говорилось в документе, японская власть и нация в целом должны осознать, что стремление вернуть только четыре острова (не претендуя на Южный Сахалин и Курилы до Камчатки) само по себе является уступкой, японское правительство должно занять более жесткую позицию в отношении искажения Россией исторических фактов, касающихся спорных территорий, и не должно поспешно идти на компромисс вроде согласия на возвращение лишь

двух островов, поскольку это будет воспринято Россией как знак слабости. Напротив, правительство Японии должно готовить сильную и созидательную инициативу для подходящего момента и не ослаблять давления на Россию, чтобы приблизить момент достижения компромисса на японских условиях. Попытки добиваться возвращения сначала только двух островов, говорилось в документе, являются иррациональными.

Документ предназначался, в первую очередь, для правительства Японии, но благодаря СМИ стал достоянием широкой общественности. Очевидно, что этот и другие подобные ему документы и содержащие аналогичные мысли публикации в японской прессе формируют у японского народа достаточно негативное восприятие России. Как отмечал известный японский профессор Сигэки Хакамада, кстати, один из авторов цитированного выше доклада, «к сожалению, от 70 до 80% японцев не любят Россию. Число японцев, испытывающих теплые чувства к России, едва ли превышает 10%».

Что еще неприятнее, восприятию России как врага способствует даже школьное воспитание. Возьмем, например, скандально знаменитый учебник для средних школ «Новый учебник истории», созданный несколько лет назад коллективом ученых, объединенных в общественную организацию «Общество по созданию нового учебника истории».

Правда, в России, в частности в ее СМИ, на этот учебник обратили внимание в основном в связи с тем, что факт его одобрения Министерством образования Японии вызвал негодование в Китае, Республике Корея, КНДР и многих других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, пострадавших от японской оккупации в годы Второй мировой войны. Особенно бурной реакция в Китае и Южной Корее на очередное переиздание этого учебника была в 2005 году. Сеул отзывал из Токио посла для консультаций. В Китае прошли массовые выступления, сопровождавшиеся закидыванием японского посольства в Пекине мусором, погромами офисов японских компаний и ресторанов и даже нападениями на японских граждан. Правда, гнев китайцев и корейцев был вызван не столько отказом японского Министерства образования запретить скандальный учебник, но и отказом премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми прекратить паломничество в храм Ясукуни, а также активизировавшимися попытками Японии обрести место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Не желая допустить этого, Китай воспользовался фактором Ясукуни и учебников, чтобы обвинить японское руководство в наличии у него стремления чуть ли не возродить милитаристский дух или, как минимум, в отсутствии желания снова, но теперь уже искренне покаяться в военных преступлениях конца XIX — первой половины XX века. Китайское руководство даже приняло решение прекратить контакты с Японией на высшем уровне до

тех пор, пока Коидзуми публично не откажется от посещений Ясукуни или не уйдет в отставку. Тем не менее учебник истории сам по себе тоже был достаточно раздражающим фактором в отношениях Японии с ее соседями.

Какие именно положения учебника вызвали раздражение в Пекине и Сеуле?

Во-первых, отсутствие упоминания о корейцах, насильственно мобилизованных в бордели императорской армии, и, во-вторых, пассаж о том, что по поводу факта Нанкинской резни в 1937 году существуют разные мнения относительно количества жертв.

Пекин и Сеул неоднократно призывали Токио запретить использование скандального учебника в школах, на что неизменно получали ответ: в Японии демократия, и каждая школа имеет право сама выбирать из нескольких десятков учебников, издающихся частными издательствами, тот учебник, какой сочтет наиболее подходящим. Кроме того, отвечали из Токио, по данным японского Министерства образования, этот учебник используется лишь в 0,039 японских школ, так что его воздействие на общественное сознание в Японии не слишком велико. Однако, как отмечали китайские и южнокорейские эксперты, шум, поднятый вокруг этого учебника (кстати, с подачи самих же китайцев и корейцев), вызвал к учебнику повышенный интерес и значительно расширил его читательскую аудиторию.

Какой же предстает в этом учебнике Россия и ее внешняя политика на японском направлении?

В главе «Угроза со стороны великих держав» читаем: «Прибытие кораблей Пэри и беспорядки эпохи конца правления сегуна, вмешательство во внутренние дела нашей страны со стороны Англии и Франции, устремление России в южном направлении — эти военные угрозы Японии со стороны великих держав вызывали страх у японцев в то время».

Россия упоминается в учебнике как одна из пяти великих держав, подписавших в 1855 году с Японией «неравноправные договоры», фактически превративших ее в полуколонию. По этому договору Япония лишалась права устанавливать размер налогов, взимаемых с иностранных торговцев, а также права судить иностранцев за преступления, совершаемые ими на территории Японии (принцип экстерриториальности). Это право передавалось иностранным консулам, которые нередко покрывали преступников. Таким образом, частичка возмущения по поводу колониалистской политики западных держав в отношении Японии переносится и на Россию.

В главе «Корейский полуостров и гарантии безопасности Японии» говорится: «...помимо Цинской династии, имевшей сюзеренитет в Корее, было и еще одно внушавшее страх государство — это Россия, только что обратившая свой взор на Восточную Азию в поисках незамерзающих портов. В 1891 году Россия приступила к строительству сибирской железной дороги, и эта угроза нависла [над Японией]».

Причина решения отдать России Сахалин в обмен на Курильские острова (острова Тисима), усилившего недобрые чувства японцев к России, объясняется так: в конце XIX века на Сахалине, находившемся по договору 1855 года в совместном пользовании России и Японии, начались столкновения между русскими и японскими поселенцами. «Америка и Англия предупредили правительство [императора] Мэйдзи, что в случае войны между Японией и Россией, [Россия] отнимет [у Японии] не только Карафуто [Сахалин], но и Хоккайдо», после чего Япония в 1875 году заключила с Россией новый договор, по которому признала российский суверенитет над Сахалином. А вот как объясняются причины, заставившие Японию начать в 1904 году войну с Россией: «Россия имела бюджет и военную силу в 10 раз больше, чем у Японии. Россия увеличила число солдат в Маньчжурии, создала военные базы в северной части Кореи. Стало очевидно, что, если это проигнорировать, российская военная мощь на Дальнем Востоке усилится настолько, что Япония уже не сможет скрестить с нею мечи».

Имеются у Японии претензии к России и по Второй мировой войне. Как отмечал в январе 2009 года в статье «Прошлое как оружие» в журнале «Россия в глобальной политике» Василий Головин, в Токио считают, что СССР в нарушение международного права расторг Пакт о нейтралитете с Японией и нанес ей 9 августа 1945 года коварный удар: советские войска начали военные действия против Японии, и теперь в этот день местные националисты ежегодно проводят акции протеста против «русского предательства». 2 сентября Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. США немедленно прекратили военные действия, а вот Советский Союз продолжал наступление в Маньчжурии и занял Южные Курилы уже после подписания акта о капитуляции. Эти действия в Токио называют нарушением договоренностей и грубым захватом чужих земель, указывая, что они противоречат провозглашенному союзниками по антигитлеровской коалиции принципу нерасширения территории по итогам войны.

Наличие территориальных и прочих претензий к России особенно опасно на фоне роста японского национализма. Эта тема была модной в российских и иностранных, особенно китайских и корейских, СМИ, в эпоху правления кабинета Д. Коидзуми (2001–2006 годы), ежегодно совершавшего паломничество в храм Ясукуни. Сменивший Д. Коидзуми на посту премьер-министра Синдзо Абэ отказался от визитов в храм и провозгласил курс на улучшение отношений с азиатскими соседями Японии, в значительной степени испортившихся в результате визитов в Ясукуни Д. Коидзуми. Однако тема японского национализма не потеряла актуальность. И не только потому, что в 2007 году С. Абэ демонстративно встретился с родственниками индийца Радхибинода Пала, который был единственным судьей трибунала, выступившим против казни главных японских

военных преступников. Кстати, в упоминавшемся выше скандальном «Новом учебнике истории» о Токийском трибунале и Р. Пале говорится буквально следующее: «Все судьи были выбраны из стран-победительниц, в ходе судебных слушаний многочисленные свидетельства следствия принимались как они есть, в то время как ходатайства защиты часто отклонялись. Являвшийся на Токийском трибунале единственным специалистом по международному праву судья Радхибинод Пал указывал, что этому трибуналу недоставало обоснований с точки зрения международного права. Однако штаб оккупационных войск запретил обнародование поданных в письменном виде соображений судьи Пала и не разрешал никакой критики в адрес суда». Таким образом, встретившись с родственниками индийского юриста, С. Абэ фактически дал понять, что разделяет его взгляды на нелегитимность Токийского трибунала и несправедливость вынесенных им приговоров в отношении японцев, признанных военными преступниками категории А.

А вот что писал в 2007 году в статье «Проблема с японским национализмом» известный американский политолог и философ японского происхождения Френсис Фукуяма: «Те, кто считает, что споры о Ясукуни были вызваны воспоминаниями о мрачных страницах истории, о которых Китай и Корея напомнили для того, чтобы получить от Японии политические уступки, возможно, никогда не жили долго в этом регионе. Проблема не в 12 преступниках класса А, прославленных в храме, а в находящемся по соседству военном музее Ясукуни (имеется в виду музей военной истории Юсюкан). Проходя мимо „Мицубиси Зеро“, танков и пулеметов, выставленных в музее, посетитель открывает историю войны в Тихом океане, которая раскрывает „правду о современной истории Японии“. Вы услышите рассказ с националистическим уклоном о том, как Япония — жертва европейского колониального могущества — стремилась защитить от него азиатские страны. Например, колониальная оккупация Японией Кореи описывается как „партнерство“; посетитель тщетно будет искать упоминания о жертвах японского милитаризма в Нанкине или Маниле».

Кто-то, может, и выступит в защиту такого музея как отражающего один из взглядов в демократическом государстве, но в Японии нет другого музея, который бы предлагал альтернативный взгляд на историю этой страны двадцатого века. Правительства Японии, спрятавшись за статус частной религиозной организации, присвоенный музею, сняли с себя ответственность за выраженные в нем взгляды.

Но такая позиция неубедительна. Япония, в отличие от Германии, никогда не брала на себя ответственность за войну в Тихом океане. Несмотря на то что социалистический премьер-министр Томиити Мурояма официально извинился за войну перед Китаем в 1995 году, в Японии никогда действительно

не обсуждался вопрос о степени ответственности за эту войну и не делалось попыток представить альтернативные взгляды на события этой войны, которые бы отличались от позиции Юсюкана.

Конечно, японские премьер-министры неоднократно приносили народам Азии извинения за страдания, причиненные им во время войны японской военщиной. Тем не менее, в отличие от Германии, Япония не осудила однозначно свое милитаристское прошлое и не отеклась от него. Поэтому периодически попытки обелить прошлое предпринимаются на достаточно высоком уровне. В 2008 году командующий ВВС Японии генерал Тосио Томогами принял участие в организованном националистически настроенным историком конкурсе на лучшее эссе по истории Японии, в котором он доказывал, что Япония не совершила ничего плохого во время Второй мировой войны. Когда его отправили в отставку, он заявил, что свободы слова в Японии не больше чем в Северной Корее, и предложил пересмотреть законы, запрещающие Японии иметь ядерное оружие, добавив, что, если бы во время войны Япония имела атомную бомбу, она бы применила ее против США. Комментируя этот эпизод, журналисты и эксперты отмечали, что, став частным лицом, Томогами может, конечно, нести любую чушь, но проблема в том, что подобные взгляды в Японии разделяют многие высокопоставленные военные и политики.

Представление о том, что с Японией обошлись несправедливо, что она ничего особо ужасного во время войны не сделала, достаточно широко распространены в японском обществе. Вот типичное высказывание, сделанное одним японским журналистом в дружеской беседе с российским коллегой: «Вы гордитесь тем, что ваши дедушки воевали во время Отечественной войны, и мы тоже имеем право гордиться нашими дедушками, воевавшими во Второй мировой войне».

15 ноября этого года премьер-министр Японии Юкио Хатояма выступил перед участниками саммита АТЭС в Сингапуре с речью «Новый подход Японии к Азии. К реализации концепции Восточноазиатского сообщества». Как следует из названия, речь была посвящена идее создания в Азии экономического сообщества, высказанной Хатоямой сразу после прихода к власти в сентябре этого года. Тем не менее премьер хоть и кратко, но затронул проблему исторической памяти о преступлениях японского милитаризма, осложняющую отношения Японии с соседями по Азии. «С момента, когда я стал политиком, я стал задумываться, можем ли мы создать узы дружбы и любви между Японией и другими азиатскими странами, и, шире, между странами Азиатско-Тихоокеанского региона? Дело в том, что не кто иной, как Япония, причинила огромные беды и страдания многим странам, и в частности азиатским странам. С того времени прошло 60 лет, однако нет оснований считать, что было достигнуто истинное примирение», — сказал Хатояма.

Истинное примирение невозможно, пока в Японии сильны позиции тех, кто отказывается признать преступными действия японского руководства, развязавшего войну в Азии. Точно так же весьма проблематичным представляется и заключение мирного договора между Россией и Японией, пока в Японии сильны позиции тех, кто склонен предъявлять претензии к России, пока в школьных учебниках истории Россия изображается коварным врагом Японии.

Провал попыток Китая и Южной Кореи заставить правительство Японии запретить использование в школах учебников, искажающих историю, вовсе не означает, что на эту проблему можно махнуть рукой. Рост и даже просто сохранение на одном уровне негативного отношения японцев к России, о котором писал упоминавшийся выше С. Хакамада, становится опасным в условиях общего роста национализма в Японии, в условиях, когда эта страна намеревается сделать свою внешнюю политику более независимой от США и расширить возможности применения своих Сил самообороны, которые скоро могут быть переименованы в Вооруженные силы самообороны, когда Япония может пересмотреть девятую, так называемую мирную статью своей конституции, запрещающую применение армии в целях, выходящих за рамки самообороны.

Российские эксперты и политики, занимающиеся вопросами фальсификации истории в странах бывшего советского блока, отмечают, что разговор с историками этих стран с фактами и цифрами в руках позволяет понизить градус дискуссий и остроту нападок на Россию, но проблемой часто остается нежелание высшего руководства этих стран менять антироссийский курс. В Японии мы имеем совершенно иную ситуацию: лидер страны Ю. Хатояма желает установить доверительные отношения с Россией. Японский бизнес проявляет все большую заинтересованность в сотрудничестве с Россией. Но японские политологи и историки, сделавшие себе имя на критике России, не изменят своих позиций, несмотря ни на какие аргументы. Хотя в интернет-блоге того же С. Хакамады рядом с рассуждениями о необходимости усиления давления на Россию с целью побудить ее согласиться на решение территориального спора на японских условиях содержатся и такие высказывания: «Я думаю, что частные оценки России как страны, которая необходима Японии, являются правильными. Если говорить о России, то она не смотрит на Японию с такой враждебностью, как Китай, она не желает поработить Японию. Конечно, нельзя отрицать, что она [Россия], рассматривая Японию как маленькую страну, проводит [в отношении нее] угрожающую внешнюю политику. Но она является более предпочтительной [для Японии], чем повторяющий злобные высказывания Китай. Имеющиеся у Китая сырьевые ресурсы есть и у России. И даже если считать огромный рынок

Китай важным для Японии, страной, к которой Японии следовало бы „прилепиться“ в первую очередь, является Россия».

Поиск Японией своего места в меняющемся мире, в частности, в меняющейся Азии, где все большую роль играет Китай, дает шанс России стать для Японии более важным партнером, чем она является сейчас. Избранная Россией тактика «создания благоприятной атмосферы путем развития сотрудничества» применима не только к решению территориального вопроса, но и для улучшения политических отношений с Японией. Превращение России в важного для Японии партнера лишит козырей тех политиков, политологов и журналистов, которые зарабатывают на изображении России врагом Японии.

**Владислав Петрович Терехов,
Профессор кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол**

В числе тем, вокруг которых в обществе распространяются разного рода мифы, проникающие порой и в научную литературу, свое место занимает и произошедшее после объединения Германии расширение НАТО. Звучат утверждения, что Запад, а точнее руководство США и ФРГ, преисполненные благородством и стремлением помочь СССР в отстаивании своих интересов, были готовы гарантировать нераспространение военных структур НАТО на восток и оформить соответствующее обязательство. Но советская сторона то ли по легкомыслию, то ли по недомыслию упустила этот шанс, и военный блок НАТО начал свое триумфальное шествие к границам России.

Опираясь на факты, попробуем прояснить, что же происходило двадцать лет тому назад и что в действительности обещал Запад.

Известно, что в течение сорока лет после окончания Второй мировой войны и возникновения на месте разгромленного рейха двух государств — ФРГ и ГДР — непрерывно, но безуспешно велись переговоры о возможности их объединения и создания единого германского государства. Этому мешало много обстоятельств, в том числе такое существенное, как противоположность социально-экономических и политических систем, на которых базировались эти два государства.

Но главное было все же в другом. Правительства ФРГ и ГДР, а также держав-победительниц — СССР, США, Великобритании и Франции, несших в соответствии с послевоенными урегулированиями ответственность за «Германию в целом» и обладавшие соответствующими контрольными правами, не могли договориться по ключевому вопросу: каким будет военно-политический статус объединенной Германии. Западные державы настаивали на ее интеграции в НАТО. Советский Союз по вполне понятным причинам не мог с этим согласиться и выступал за то,

Поэтому целесообразно создание специальных программ поддержки экономического сотрудничества с Японией, поддержки японского бизнеса в России. Японию необходимо активнее вовлекать в российские программы модернизации экономики, реанимации пришедших в упадок регионов. Это поможет России повысить ее конкурентоспособность и по отношению к ее стратегическому партнеру Китаю. Это важный процесс. Но, разумеется, он не должен совсем загоразивать от взора российских политиков, дипломатов и экспертов того, какой Россию изображают японские политики, ученые и журналисты. Наиболее вопиющие фальсификации истории отношений России и Японии должны все же получать спокойный, но твердый отпор.

чтобы объединенная Германия не входила ни в какие военно-политические блоки и имела статус нейтрального или неприсоединившегося государства.

За сорок лет мир привык к параллельному существованию двух Германий и не особенно беспокоился по этому поводу. Более того, ближайшие соседи с трудом скрывали, что раскол Германии их вполне устраивает, а перспектива воссоздания мощной единой германской державы просто пугает. Но самих немцев состояние раскола все же не устраивало и тяготило, тем более что в условиях «холодной войны» ФРГ и ГДР были разделены «железным занавесом», делавшим невозможным нормальные человеческие контакты и связи.

Правительство ФРГ, ссылаясь на право на самоопределение, изобрело формулу, которая многие годы служила платформой ее политики в национальном вопросе: подчеркивалось стремление к «германскому единству» и выражалась надежда, что со временем сложатся такие международные условия, которые позволят немецкому народу обрести единство. В Бонне, впрочем, не скрывали, что имеют в виду объединение на основе политического строя в своей части Германии, а не в социалистической ГДР.

Пока Советский Союз оставался на пике своего могущества, надежды Бонна на возникновение подходящих условий для объединения Германии по своему сценарию не выходили за рамки чисто теоретических размышлений. Однако ситуация стала стремительно меняться, когда в СССР к концу восьмидесятых годов назрел острейший политический и экономический кризис, до предела ослабивший его международные позиции и его влияние даже на своих союзников, что привело к дестабилизации и последующему распаду Организации Варшавского Договора а затем и самого Советского Союза. В Бонне не без оснований сделали вывод, что долгожданный момент настал,

и приступили к реализации давно вынашиваемого плана объединения Германии.

Начавшиеся по этому вопросу переговоры между четырьмя державами-победительницами и двумя германскими государствами сразу же натолкнулись на главное препятствие: каким будет военно-политический статус объединенной Германии? В исходных позициях ничего не изменилось. ФРГ и ее западные союзники бескомпромиссно выступали за членство объединенной Германии в НАТО. СССР защищал свою прежнюю позицию — вариант с членством Германии в НАТО неприемлем. Однако сразу же стало заметно, что в твердости этих позиций у сторон имеются серьезные различия.

Если США и ФРГ не оставляли никаких сомнений в том, что не отступят от своего требования ни при каких обстоятельствах (за кулисами говорили: без членства в НАТО объединения не будет), то позиция СССР становилась все более шаткой. Нет, требование неучастия объединенной Германии в НАТО не снималось. Однако начавшийся подбор альтернатив для военно-политического статуса Германии демонстрировал отсутствие четкой линии, разброд и шатания в политическом руководстве страны в решении этого принципиального вопроса. Руководители СССР говорили на встречах и переговорах то о нейтралитете, то о статусе неприсоединения, то об одновременном членстве в Варшавском Договоре и в НАТО, то о роспуске обоих блоков и об одновременном выводе советских и американских войск, то о создании 150-километровой демилитаризованной зоны на границе ФРГ и ГДР, то предлагали своим коллегам дополнительно «подумать» над этим вопросом. Подобная неустойчивость позиции лишь укрепляла Запад в стремлении добиться своей цели.

В высших эшелонах США и ФРГ внимательно отслеживали развитие настроений в советском политическом руководстве и тенденций во внутривнутриполитической жизни страны. Накануне встречи М. С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте (2–3 декабря 1989 года) советники президента США (в их числе были П. Целиков и К. Райс, описавшие позже события того времени в своей книге) пришли к весьма примечательным выводам. По их оценкам, Советский Союз теряет контроль над Восточной Европой. У Москвы нет продуманной стратегии, она лишь спонтанно реагирует на происходящее. В принципе советское руководство должно было бы выступать против объединения Германии, поскольку при таком развитии из его концепции европейской безопасности изымалась бы сердцевина и сбывались наихудшие опасения — включение объединенной Германии в НАТО. С исчезновением ГДР Варшавский Договор теряет свой военно-политический якорь. Линия обороны СССР оказывается прорванной, утрачиваются преимущества, полученные в результате Второй мировой войны. С учетом этого надо нажимать на СССР и твердо настаивать на членстве Германии в НАТО.

На встрече с канцлером ФРГ Гельмутом Коелем в Кэмп-Дэвиде 24 февраля 1990 года президент Дж. Буш откровенно, хотя и несколько цинично определил свой подход к отношениям с СССР. Он подчеркнул, что «Советский Союз находится сейчас не в том положении, чтобы диктовать Западу, останется ли Германия в НАТО или нет... К Советскому Союзу будут относиться с уважением и помогать ему сохранять лицо. Однако при всей поддержке Советов нельзя позволить им свое поражение превратить в победу».

Слова президента могут служить ясным свидетельством того, что уже к началу переговоров об объединении Германии американское руководство считало свершившимся фактом победу США в тяжелой «холодной войне», в противоборстве с СССР. А победитель может диктовать свои условия, позволяя побежденному лишь сохранять лицо.

Именно поэтому на переговорах в формате 2+4 США ни на шаг не отступали от требования членства объединенной Германии в НАТО. В Вашингтоне считали, что это должно обеспечить контроль над политикой и действиями Германии, не позволить ей превратиться в самостоятельного игрока на международной арене. Но не только это. В той же беседе с Коелем в Кэмп-Дэвиде Дж. Буш подчеркивал стремление США сохранить свое военное присутствие в Европе, пребывание своих войск на территории ФРГ и после вывода советских войск из Германии. Более того, говорилось о том, что советские войска должны уйти из всех стран Восточной Европы без каких-либо исключений. При этом США сохраняют в Европе и, конечно, в Германии не только свои войска, но и ядерное оружие, поскольку, мол, американские сухопутные силы не могут оставаться за границей без ядерного прикрытия.

Германские политики не сразу решились поверить, что Советский Союз будет готов вывести свои войска из ГДР и открыть путь к объединению Германии. Многим в Бонне казалось нереальным требовать согласия СССР на членство объединенной Германии в НАТО, тем более без существенных компенсаций в сфере безопасности. Особенно заметны такие сомнения были в рядах социал-демократов и свободных демократов. Высказывались опасения, что выдвижение радикальных требований к СССР может привести к провалу политики реформ в Советском Союзе и к новому кризису в международных отношениях. Говорили о том, что та часть Германии (т.е. ГДР), которая входила в Организацию Варшавского Договора, должна иметь после объединения другой военный статус, не такой, как ФРГ. Отражая настроения в СДПГ по этому вопросу, Эгон Бар, внешнеполитический «гуру» партии, писал в своих мемуарах: «Без Советского Союза единство [Германии] невозможно. Поэтому НАТО и единство исключают друг друга, так как Москва не может согласиться с распространением НАТО до Одера».

Аналогичные мысли высказывал и председатель СвДП, министр иностранных дел ФРГ Ханс-Дитрих Геншер. Выступая 31 января 1990 года в евангелической академии в Тутцинге, он заявил: «Представление, что та часть Германии, которая образует сегодня ГДР, должна быть включена в военные структуры НАТО, блокировало бы германо-германское сближение».

Развивая свою позицию, он говорил в этом же выступлении:

«Задача НАТО — однозначно заявить: что бы ни происходило в Варшавском пакте, распространения сферы НАТО на восток, т.е. ближе к границам Советского Союза, не будет. Такие гарантии безопасности важны для Советского Союза и его поведения. На Западе следует понимать и учитывать, что изменения в Восточной Европе и процесс объединения Германии не должны нанести ущерб интересам безопасности СССР. Для создания необходимых предпосылок для этого потребуются высокая степень искусства в политике европейских государств».

Высказывания Геншера вызвали в то время большое недовольство у канцлера Коля и в ХДС/ХСС. В его словах, предполагавших установление особого режима для ГДР в рамках НАТО, усмотрели преждевременную, «превентивную» уступку Советскому Союзу. Однако сама идея установления особых условий для территории ГДР вошла в арсенал переговорной позиции Запада, а затем и Советского Союза.

В ходе последующих переговоров на высшем уровне между США и ФРГ с СССР тема включения объединенной Германии в НАТО обсуждалась многократно. Дж. Буш, Дж. Бейкер и Г. Коль настойчиво пытались убедить М. С. Горбачева в «преимуществах» членства всей объединенной Германии в НАТО. Обращали внимание на то, что в рамках Альянса Германия будет находиться под постоянным контролем и не сможет проводить политику, создающую угрозу для СССР и других стран. НАТО будет трансформироваться в исключительно политическую организацию, с окончанием «холодной войны» в Европе сложатся новые отношения, начнется строительство общего европейского дома, СБСЕ обретет новые институты, обеспечивающие широкое и равноправное взаимодействие всех государств континента, с подписанием ДОВСЕ произойдет существенное сокращение вооруженных сил стран НАТО, что позволит устранить какую-либо угрозу безопасности СССР.

В ответ на все эти декларации М. С. Горбачев давал уклончивые ответы и предлагал еще раз «подумать» над ситуацией. На встрече в Москве 9 февраля 1990 года Бейкер произнес, наконец, слова, которые и стали источником мифа о готовности Запада не распространять сферу НАТО на восток. Он задал М. С. Горбачеву вопрос: «Предполагая, что объединение состоится, что для вас предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск, или объединенная Германия, сохраняющая связи с НАТО,

но при гарантии того, что юрисдикция НАТО ни на дюйм не распространится на восток от ее нынешней позиции?».

М. С. Горбачев не ответил на этот вопрос и лишь подтвердил, что расширение зоны НАТО является неприемлемым. В то же время он заметил, что «присутствие американских войск может сыграть сдерживающую роль» и вновь предложил «обо всем этом подумать».

Слова Бейкера о «нераспространении юрисдикции НАТО на восток» вызвали переполох в Бонне. Там сочли неприемлемым использование понятия «юрисдикция», поскольку это могло бы означать, что на территорию ГДР не будут распространяться гарантии статей 5 и 6 Вашингтонского договора. Уже на встрече с Бушем 24 февраля 1990 года Коль попросил уточнить, что имел в виду Бейкер. Госсекретарь США согласился, что термин «юрисдикция» не подходит и следует говорить о нераспространении военных структур, войск НАТО на территорию ГДР. Такое разъяснение было сделано и на последующей пресс-конференции.

Из высказываний политиков США и ФРГ со всей очевидностью следует, что понятие «нераспространение НАТО на восток» относится исключительно к территории ГДР. Это подтверждают и последующие беседы М. С. Горбачева с Бушем и Кодем, в том числе переговоры в Архызе 16 июля 1990 года. На этой заключительной встрече Коль и Геншер попытались сузить содержание договоренности о нераспространении подчиненных НАТО структур на территорию ГДР. Предлагалось применять это ограничение только на период, пока на этой территории будут находиться советские войска, а после их вывода ограничение должно было потерять свою силу. Однако согласие на это советская сторона не дала. В ходе завершающихся переговоров экспертов в тексте Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии было четко определено, что «иностранные войска и ядерное оружие или его носители не будут размещаться в данной части Германии и разворачиваться там».

Ни на какой стадии переговоров не возникал вопрос о нераспространении НАТО на восток за пределы территории ГДР. И американские, и немецкие представители вели речь исключительно о военном режиме для территории ГДР. Собственно говоря, они и не имели полномочий на что-либо другое. Решения о приеме в НАТО новых членов принимаются коллективно всеми членами Альянса. В 1990 году будущие кандидаты на вступление в НАТО из числа восточноевропейских стран были еще членами Варшавского Договора, хотя их стремление изменить свой статус просматривалось достаточно ясно. На существование Варшавского Договора ссылались впоследствии и М. С. Горбачев, отвечая на вопрос, почему он не добился письменной фиксации гарантий Запада о нерасширении НАТО. Он говорил, что в условиях суще-

ствования Варшавского Договора он не мог вести разговор о проникновении НАТО на территорию ОВД. Формально это было правильно. Но вести разговор о компенсациях нашего ухода из Восточной Европы в виде согласованных и документально зафиксированных мер по ограждению безопасности Советского Союза было не только можно, но и необходимо. Прав был Талейран, который говорил: «если мелодия не положена на ноты, то она ничего не стоит».

На бумагу ничего не было положено. Со стороны НАТО последовали лишь широковещательные заявления (пресловутые «сигналы из Тернбери», где в июне 1990 года заседали министры иностранных дел Альянса, и в июле из Лондона с саммита НАТО) о готовности осуществить широкие меры по укреплению взаимного доверия и сотрудничества, по предотвращению угрозы внезапного нападения, о создании специальных институтов сотрудничества в рамках СБСЕ и т.п. Это и были те «обещания», которые давали лидеры государств НАТО. И ничего более того. Даже в этих словесных заверениях нигде не звучала

тема нераспространения НАТО на восток. Никто на Западе и не собирался давать подобных обещаний.

Вся эта словесная шелуха служила одной-единственной цели, и об этом прямо говорили за кулисами лидеры США и ФРГ, — облегчить достижение соглашения с СССР о вхождении объединенной Германии в НАТО, помочь М. С. Горбачеву преодолеть сопротивление «консерваторов» в СССР такому решению. В действительности никто не собирался давать СССР какие-либо компенсации, тем более — зафиксированные в юридической форме. А с развалом СССР ушли в небытие звонкие обещания заняться строительством «общеевропейского дома».

Во время своего пребывания в ФРГ в мае 1989 года Дж. Буш-старший заявил в публичной речи в Майнце: «„Холодная война“ началась с разделения Европы, она может быть закончена в том случае, если раскол Европы будет преодолен».

Раскол Европы не преодолен до сих пор. Если следовать логике американского президента, то и «холодная война» еще не закончилась.

Станислав Иванович Чернявский, директор Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО (У) МИД России

Освещение событий нашей общей истории в бывших советских республиках носит далеко не всегда объективный характер. Чаще всего обращение к историческим событиям продиктовано внутриполитическими причинами и потому их трактовка имеет четко выраженный заказной характер.

Специфика получения независимости союзными республиками, когда «долгожданная свобода» пришла не в результате освободительной борьбы, а в качестве неожиданного подарка центральных властей, предопределила особенности создания идеологической платформы в новых независимых государствах. Этот процесс проходил весьма болезненно, поскольку строительство нового государства на понятиях общности исторических судеб оказалось невозможным, — необходимо было срочно создать негативный образ «угнетателя», против которого и велась национально-освободительная борьба. На эту неблагоприятную и незаслуженную роль был избран русский народ.

Новые государства начали активно создавать собственную идеологию, используя для этого по своему усмотрению события общего исторического прошлого наших народов. На волне ура-патриотизма началась повальная фальсификация действительной истории народов постсоветского пространства, стремление возвеличить свой народ, придать ему всеохватывающее историческое место и зачастую умалить заслуги и историческое значение других, соседних народов.

История на постсоветском пространстве давно уже превратилась из науки в идеологический инструмент власти. С учетом особенностей общественно-

политического развития государств Центральной Азии, в большинстве из которых гражданское общество так и не было создано, а трактовка демократии приобрела весьма своеобразные черты, обращение к истории официальными «интерпретаторами» направлено на идеологическое укрепление существующих режимов.

Кто сегодня выступает в роли новых официальных историографов, предлагающих собственные варианты пересмотра нашей совместной истории? Подавляющая часть этих «историков-демократов» ранее работала над темами «советского и партийного строительства», продвигала идеи «научного коммунизма». Все они, так или иначе, занимали определенные номенклатурные посты в академических или «научно-партийных» учреждениях. Поэтому, несмотря на различия в используемой ими аргументации, содержательная часть воззрений не оставляет сомнений относительно их перманентной конъюнктурности. Налицо реальный политический заказ, не признающий научно-исторические факты.

Если обратиться к истории формирования Российской империи, то следует отметить, что колонии — как источник сырья для ее промышленности — не имели жизненно важного значения. Из Средней Азии вывозились в основном продовольственные товары и не потому, что внутреннее производство уже не покрывало потребностей, как в Англии XVIII века, а ввиду получения большей прибыли за счет разницы цен. Промышленное развитие колоний было малозаметным. Русская колонизация XIX — начала XX века диктовалась не столько экономической

необходимостью, сколько традиционным стремлением к расширению своих территорий, характерным для более ранних периодов истории. В этом одно из ее отличий от колониальной политики других государств.

Старшины нескольких туркменских родов впервые обратились к России с просьбой о принятии их в подданство и установлении дружественных отношений в первой трети XVIII века; ряд казахских ханов вступили в переговоры с Московским государством еще раньше — в 1594 году, и присоединение произошло постепенно, вплоть до середины XIX века. Киргизские султаны приняли подданство России также в середине XIX века. При этом правители обещали сохранять мир между собой, не чинить препятствий русским купцам, не признавать власть Китая над степями Киргизской орды. Россия, среди прочего, представляла свободу от рекрутской повинности. 60–70-е годы XIX века были отмечены продвижением русских в Туркестане, взятием Ташкента (1865 г.), Самарканда (1868 г.), образованием Туркестанского генерал-губернаторства (1867 г.), протектората над Бухарским Эмиратом (1868 г.), Хивой (1873 г.).

Сразу же после присоединения Туркестана российские власти запретили рабство, от которого стонал весь край (в Ташкенте рабами торговали на базаре Чор-су; рынки рабов были в Самарканде, Бухаре, Хиве и большинстве других крупных городов), эксплуатацию детского гомосексуализма (институт мальчиков-бачей, бачабозство), прекратили бесконечные войны между тремя ханствами, сопровождавшиеся традиционной резней. Царское правительство сохраняло традиционные национальные системы управления. Государственная администрация не заменяла их, а становилась не более чем их частью. Отношения собственности определялись традициями и обычным правом.

Важное значение имеет тот факт, что колониальная экспансия России никак не влияла на материальное положение населения метрополии, не способствовала росту его благосостояния. Так, например, оставался нерешенным острый вопрос — малоземелье крестьян, что объяснялось невозможностью переселения в колонии из-за характера землепользования в них. В русском общественном сознании (в отличие от западного, где на приобретение колоний смотрят прагматически, как на шаг к увеличению достатка) сложился иной стереотип: новые земли — для укрепления величия государства, славы России. Отсюда разница в колониальной политике, выдвижение в России на первый план задач политического характера, в том числе укрепления границ.

В 1924–1925 годах было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии, созданы Туркменская и Узбекская советские республики. Во время обсуждения вопроса о целесообразности размежевания высказывались сомнения по этому вопросу и предлагалось объединить все три респуб-

лики (Туркестан, Бухару и Хорезм), так как нет нации узбеков, туркмен и других, — все они относятся к тюркским племенам. Таджикская республика вошла на правах автономии в Узбекскую ССР, а в 1929 году стала союзной республикой. Каракиргизская автономная область в 1924 году вошла в состав РСФСР, в 1925 году была переименована в Киргизскую автономную область. В 1927 году она стала федеративной частью РСФСР.

К середине 1930-х годов созрели предпосылки для преобразования Казахской и Киргизской автономных республик в союзные республики. Укреплялась национальная государственность, создавались кадры госаппарата из коренных национальностей. К этому времени произошло воссоединение казахских земель в результате национально-государственного размежевания Средней Азии. Был осуществлен переход кочевников на оседлый образ жизни; огромные средства на этот процесс отпускались из союзного бюджета.

Размеры отчислений от дохода в бюджеты республик Совнарком Союза ССР устанавливал, исходя из необходимости оказания всемерной помощи национальным республикам. Так, в 1929 году было принято решение, согласно которому в бюджет РСФСР отчислялось 64,3% промышленного налога, а в бюджеты других республик — весь налог полностью; от сумм однократного обложения в бюджет РСФСР отчислялось 54%, БССР — 75, УССР — 100, ЗСФСР — 75, Туркменской ССР — 75, Узбекской — 57, Таджикской — 57.

В голодное время 1921 года Россия отправила 2 млн пудов хлеба в Туркестан. Неравноправие русского народа особенно ощущалось в бюджетной сфере. Общий бюджет СССР в 1932 году по сравнению с 1924 годом вырос на 851%, а в РСФСР — лишь на 570%.

В 1931–1934 годы Казахстан получил из бюджета более 2,5 млрд руб. на развитие промышленности, тогда как сам вложил только 121 млн руб. Благодаря таким финансовым инъекциям за первую пятилетку темпы развития Средней Азии были в 2,5 раза выше, чем в среднем по стране.

Разумеется, не стоит забывать о жестоком подавлении стремлений к национальному самоопределению в эпоху царизма и о депортации целых народов в Сибирь и Среднюю Азию в советское время. Однако непозволительно возлагать на российское государство и населяющие его народы ответственность за беды и просчеты прежних лет на территории бывших союзных республик. После создания СССР беда заключалась в том, что интернационалистская власть заботилась в основном об интересах других народов, а русская нация оказалась на втором плане, хотя и несла на себе львиную долю налогового бремени, осуществляла наибольшие трудовые усилия, проливала потоки крови в гражданской войне, в различных внутренних и внешних военных конфликтах.

Каковы основные исторические события, в обращении к которым допускается преднамеренный субъективизм и на трактовке которых строят свою националистическую идеологию в бывших советских республиках Центральной Азии?

Киргизские историки на протяжении всех лет независимости своей страны никогда не ставили под сомнение в целом положительный характер присутствия России на территории современной Киргизии.

Однако в конце 2005 года новое киргизское руководство, пришедшее к власти на волне бандитских антиправительственных выступлений, получивших романтическое наименование «тюльпановой революции», попыталось активно использовать в антироссийских целях события далекого 1916 года, когда местное население выступило против решения царского правительства о привлечении киргизов к военным тыловым работам.

О каком историческом факте идет речь?

Летом 1916 года начал реализовываться царский указ о призыве на тыловые работы «инородцев» тогдашнего Русского Туркестана. Шла Первая мировая война. Как и прочие граждане Российской империи, киргизы (и другие народы Русского Туркестана) подлежали обязательной мобилизации. Речь, однако, шла не о призыве в действующую армию, а об использовании в военных тыловых работах.

Волнения (в советской историографии они получили название Среднеазиатского восстания) начались 4 июля 1916 года в Ходженте с нападений на посты русских таможенных стражников, препятствовавших контрабанде опиума на китайской границе. За этими действиями последовали нападения на русских поселенцев и массовые убийства мирного населения в Прииссыккулье. Многие русские деревни были вырезаны. Волнения перекинулись на Семиречье, затронули Ферганскую долину. И тогда Санкт-Петербург направил на подавление беспорядков казачьи и армейские части. По разным данным, в результате трагических событий 1916 года погибло до 100 тыс. мирных граждан.

Согласно Большой советской энциклопедии, «восстание в основном носило антиколониальный, национально-освободительный характер. Лишь в отдельных районах реакционные феодально-клерикальные круги пытались использовать восстание в своих классовых целях».

Правда, в советское время не публиковались имеющиеся документальные свидетельства того, что большинство киргизских баев, возглавивших восстание, заблаговременно вывезли свои семьи в Китай. В андижанском восстании того же 1916 года, охватившем и юг современной Киргизии, присутствует «турецкий след». В Первую мировую войну Турция была союзницей Германии и Австро-Венгрии, и в южной Киргизии под видом мулл действовали турецкие агенты. Есть и другие данные, говорящие о том, что

к восстанию 1916 года имеют прямое отношение агенты германского генерального штаба, действовавшие в Туркестане и склонявшие местное население выступить против России. Ни в коей мере не оправдывая действия царского правительства, напомним, что Первая мировая война была в разгаре и российские власти, принимая решение о подавлении восстания, действовали по законам военного времени.

Осенью 2005 года руководители некоторых националистических движений Киргизии обратились к руководству страны с запиской, в которой обращалось внимание на то, что восстание 1916 года было «самым грандиозным и трагичным событием» в истории народов Центральной Азии. В ней отмечалось, что царская администрация «всячески поощряла массовые убийства, давая прямые указания об истреблении коренного населения, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков». Утверждалось, что вся политика царского правительства была направлена на уничтожение киргизского народа. В записке подчеркивалось, что киргизы, похваливаясь своей древней 2200-летней историей, до сих пор не могут осмыслить события XIX–XX столетий, сделать для себя выводы, «находясь по-прежнему в тисках советской идеологии». По мнению авторов документа, «гордое название киргиз сегодня в упадке», а единой киргизской нации в настоящее время не существует.

Результатом этого обращения стал Указ президента Киргизии «О создании государственной комиссии по проведению 90-летней годовщины трагических событий 1916 года», принятый в декабре 2005 г. В Указе, в частности, предлагается «в связи с 90-летием исторической даты — национально-освободительного восстания 1916 года, а также в целях всестороннего объективного изучения героических и трагических страниц истории киргизского народа, увековечения памяти погибших предков» создать соответствующую государственную комиссию.

В апреле 2008 года парламент Киргизии — Жогорку Кенеш — пошел еще дальше, утвердив своим постановлением один из августовских дней Днем памяти жертв национального восстания киргизского народа в 1916 году.

О Казахстане. Вопросы истории «коренной нации» по-прежнему находятся в поле острой политической борьбы. Националистические силы пытаются использовать искажения и заведомые фальсификации для обоснования особого места и заслуг своей нации. При этом принижается или даже отрицается роль России в защите объединения и развития народов, проживающих на территории СССР. Задача «творить золотую розу своей истории и культуры» поставлена не только перед учеными, она — часть государственной политики.

В опубликованных работах Назарбаева, Муканова к «этническим территориям» отнесены Оренбуржье, Южное Приуралье, Южная Сибирь. Искажается история заселения северных районов. Действитель-

но крупные территории приобретены Казахстаном в годы Советской власти: Акмолинская, Семипалатинская, Сырдарьинская обл., Семиречье.

Казахский историк Татимов говорит, что «Россия провоцировала набеги на казахскую территорию из Китая, чтобы потом „спасать“ казахов», другой историк (Алимжанов) утверждает, что «русские никогда не занимались облагораживанием своих лесов и степей, а пытались урвать их у соседей». В учебниках для вузов говорится о военной аннексии России (автор Абилов). Радикальное национальное крыло элиты прямо заявляет, что хан Младшего жуза Абулхаир, принявший первым в 1713 году российское подданство, якобы совершил акт «национального предательства». При этом подвергается забвению тот факт, что молодая казахская нация находилась под угрозой уничтожения со стороны Джунгарии и Циньской империи. В XIX веке Россия продвигалась активно на юг с целью предотвращения проникновения туда британской агентуры. Старший жуз был присоединен силой, отсюда — негативное отношение к казачеству. Объективно политика России позволила казахам выжить, обрести единство территории и языка. Вплоть до октября 1917 года сохранялся традиционный уклад жизни. Не стоит забывать, что процветание нации началось в составе России, казахи начали приобщаться к мировой культуре, хозяйству всей страны. Проводя идеи о якобы превращении Казахстана в аграрно-сырьевой придаток России, националистические круги умалчивают, что развитие промышленности, транспорта, связи, космонавтики шло как раз в период, когда существовал единый хозяйственный комплекс и в Казахстан направлялись колоссальные потоки общесоюзных инвестиций, а также тысячи специалистов.

Взят на вооружение и тезис о том, что «казахский народ оказался в меньшинстве на земле своих предков», казахи вымирали от голода и якобы больше всего пострадали от сталинских репрессий.

Ключевая тема казахоязычной прессы в ноябре–декабре 2009 года — голодомор в Казахстане.

30 ноября опубликовано открытое письмо Союза писателей Казахстана, подписанное, в том числе, политологами, журналистами, общественными деятелями. В нем утверждается, что «страшные события голодомора не имеют никакой связи с „неготовностью кочевников к социализму“, как говорилось в те годы. Это была акция, направленная на истребление казахского народа, проводимая Сталиным, Голощекиным и партией большевиков. За беды нашего народа свою ответственность сегодня должны нести коммунистические партии республик СНГ, пришедшие на смену КПСС. Они должны ответить за геноцид».

Авторы письма предлагают дать политическую оценку событиям 1930-х годов, построить в Астане или в Алматы мемориал в Память о погибших. Кроме того, во всех областях страны должны быть воздвигнуты памятники или мемориальные комплексы, где

можно будет почтить память жертв, погибших от голода и политических репрессий.

На страницах газеты «Айкын», не так давно перешедшей под крыло президентской партии «Нур Отан», политолог Айдос Саримов и директор государственного исторического института Буркитбай Аяган настаивают на том, что «общество должно дать политическую оценку голодомору тридцатых годов. Необходимо назвать имя того, кто повинен в огромном количестве смертей. Требуется исследовать всевозможные документы, Москва должна просить прощения за свои кровавые злодеяния».

9 декабря 2009 года представители интеллигенции, оппозиции и патриотических движений обратились с требованием к президенту Н. А. Назарбаеву ввести мораторий на обсуждение выдвинутой им доктрины национального единства. Проект этого документа, по их мнению, ущемляет права титульной нации — казахов.

Казахстанская интеллигенция, а также национал-патриотические организации и оппозиция считают документ дискриминационным, не учитывающим интересы казахской нации и требуют приостановить его обсуждение. Они предлагают сконцентрироваться на этнической общности, а не на гражданской и переименовать страну из Республики Казахстан в Казахскую Республику.

В Узбекистане с момента создания независимого государства и особенно с 1993–1994 годов, когда интенсифицировался процесс становления авторитарной системы, национальная история выступала для официальных властей и лично президента И. Каримова в роли инструмента индоктринации общества и идеологической мобилизации его в собственных интересах. При этом акцент делается на гипертрофированном, основывающемся на мифологизации и селективности фактов отношении к завоевателю и покорителю Тимуру, оцениваемому как положительный политический деятель, воин, стоявший у истоков узбекской государственности.

Первый же учебник истории для 5-го класса Узбекистана объясняет школьникам, что «вступившие на территорию Средней Азии и отличившиеся жестокостью русские красноармейцы формировали свое воинство из уголовных элементов». В главе с поэтическим названием «Независимость, задуманная в колыбели» можно прочитать: «планомерные действия по уничтожению Коканда возглавил сам Ленин». После обучения пятиклассек в дело пускают учебник для девятиклассников, где в адрес России 292 раза употребляются такие эпитеты, как «русские захватчики», «русские колонизаторы» и «русские шпионы». Там же говорится, что «Россия — вор имущества в мировом масштабе» и «история сама наделила русский народ способностями колонизатора». В учебнике 11-го класса избавление от российского гнета называется «Переход от тоталитаризма к демократии».

В Музее памяти жертв репрессий (Ташкент) вот уже больше восьми лет в организованном порядке проводятся «пятиминутки ненависти» по отношению к России и всему от нее исходящему. Поскольку временной период, охватываемый экспозицией Музея памяти жертв репрессий, очерчен четкими рамками: Средняя Азия в составе России-СССР, — то получается, что, вопреки названию, это музей памяти не жертв репрессий вообще, а исключительно тех, что были во времена русских.

Вся экспозиция составлена так, чтобы вызвать чувство праведного гнева по отношению к злым русским захватчикам и угнетателям.

Басмаческое движение в Центральной Азии интерпретируется как национально-освободительное без учета его региональных, этнополитических и социальных особенностей. При этом подчеркивается роль узбекского этнического элемента в данном движении. «Хлопковое дело» рассматривается как фальсификация и оскорбление узбекского народа, а деятельность Шарафа Рашидова получила самое высокое официальное одобрение.

Создание узбекской государственности в годы существования СССР, включая территориальные очертания современного Узбекистана, сформированные в период Советского Союза, фактически не являются предметом специальных исследований.

В последнее время, после ухудшения отношений официального Ташкента с США и европейскими странами, осудившими действия властей в мае 2005 года в Андижане, власти Узбекистана во многом по конъюнктурным соображениям и с целью заручиться поддержкой российской стороны, отказались от наиболее одиозных «историко-пропагандистских» тезисов, носивших недоброжелательный характер в отношении России. Часть учебных пособий, содержащих открытые выпады и оскорбления, были изъяты из списка рекомендуемой литературы. Однако в действительности практически весь идеологический инструментарий режима в части «политической археологии» остался прежним. В то же время на региональном уровне полемика между узбекской стороной и соседями продолжается по этнонациональным и историко-географическим проблемам.

Таджикские историки в своих исследованиях и учебных пособиях, появившихся после окончания гражданской войны в 1997 году, роль России и СССР в восстановлении (именно так трактуется это явление) таджикской национальной государственности характеризуют в целом положительно, за исключением ряда событий, связанных, как они полагают, с покровительственной советской политикой в отношении Узбекистана, расширившего свои территориальные владения за счет исторических (по их мнению) таджикских земель. При этом основное внимание уделяется именно действиям узбекского руководства по денационализации таджикской истории как в период существования УзССР, так и на современном этапе.

В Туркменистане сложилась наиболее драматичная для истории и историков ситуация. В годы правления покойного президента С. Ниязова в стране был установлен авторитарно-тоталитарный режим, идеологом которого являлся сам глава государства. Интерпретация национальной истории кем-либо, кроме него самого, была исключена. В части, касающейся российско-туркменских отношений и роли СССР в процессе становления Туркменистана как государства, фактически вся тональность оценок носила жестко конфронтационный характер и не допускала никаких положительных утверждений. Усиленно насаждался культ Ниязова (Туркменбаши), которому приписывалось авторство компилятивного по своему характеру труда под названием «Рухнама». Именно на его основе велись пропагандистские разработки во всех гуманитарных науках.

Подводя итоги, следует признать, что субъективная интерпретация истории в государствах Центральной Азии является одной из важнейших идеологических проблем, способной на длительное время перессорить бывшие союзные республики, народы, еще недавно считавшие себя братьями. Спекуляция на преднамеренно выхваченных из исторического контекста фактах ведет к росту напряженности во взаимоотношениях между государствами, нарастанию конфликтного потенциала внутри региона, торможению региональной интеграции во всех ее аспектах.

Учебная литература по истории не должна превращаться в политический инструмент для правящих элит. История регионов, история народов, входящих в состав различных государств, история эмиграции и диаспоры, интернациональная история должны дополнять традиционную историю наций и государств. Это тем более важно в эпоху глобализации. Широкий исторический контекст подразумевает необходимость определенного дистанцирования историков от национальной идеи. Однако надо отдавать отчет в том, что наивно призывать к объективности, соблюдению научной этики тех специалистов, которые формируют новые мифологемы, создают новые образы истории, исходя из «национальных идей». Они делают это сознательно, в соответствии с социальным и политическим заказом.

Какой должна быть реакция России на тенденциозное освещение нашей совместной истории в государствах Центральной Азии?

Как нам представляется, в своих оценках исторической истины российская сторона должна вырваться из плена идеологических крайностей, взглянуть на общеизвестные события «взглядом человека со стороны», то есть более объективно. Эта необходимость подтверждается, в частности, анализом опубликованных учебных материалов и научно-исследовательских работ в государствах Центральной Азии по проблемам роли и места Российской империи, Советской России и СССР в истории.

Во-первых, обнаруживается слабое знакомство российской стороны с контекстной (а не селективной) интерпретацией конкретных исторических событий и фактов, диффамационный характер озвучиваемых в этой связи обвинений в адрес современной национальной историографии конкретных государств.

Во-вторых, демонстрируется попытка внедрения в общественное сознание искусственных, не соответствующих историческим реалиям схем, призванных обеспечить господство политизированных конъюнктурных концепций, рассчитанных на создание искаженного представления о подлинной истории народов региона в собственных политических интересах.

В-третьих, проявляется некомпетентность и профессиональная неподготовленность, обусловленная незнанием истории, исторической географии, этнологии, языка и традиций соответствующих народов региона, что порождает «политическое мифотворчество».

В-четвертых, выдвигаются на первый план политические конъюнктурные конфронтационные как по форме, так и по содержанию аргументы, призванные доказать истинность своей позиции при использовании недостоверных фактов.

С учетом того, что у каждой стороны своя логика национального интереса и каждый понимает ее по-своему, нам важно выбрать собственный вектор, четко разделив, в чем мы готовы пойти на уступки, а в чем — нет. В любом случае дискуссию надо выстраивать на позитиве, поскольку «исторические заблуждения» наших партнеров являются государственным заказом и нам важно, оставаясь на своих позициях, избегать негативного воздействия каких-либо споров на межгосударственные отношения.

При этом очевидно, что российская точка зрения должна формулироваться с учетом двух основных исторически обусловленных фактов.

Во-первых, нынешняя Российская Федерация не несет исторической ответственности за действия царской и Советской России, а также СССР. Это означает, что колониальные захватнические войны, насильственное присоединение территорий, т.е. несправедливые с точки зрения национальной истории народов Центральной Азии акты, не могут одобряться, оправдываться или объясняться в положительном тоне как некая защита современных

российских интересов и уж тем более как «славная страница российской истории». С научной точки зрения выдвижение подобных тезисов носит откровенно политический и необъективный характер.

Во-вторых, современная Россия не может использовать исторические события, к которым она не имеет прямого отношения, как политический аргумент во взаимоотношениях с другими странами, в связи с чем она не может прибегать к методу «обратного обвинения» и обсуждать на политическом уровне все так или иначе связанное с историческими реалиями царской России, Советской России и СССР в силу своего равенства со странами СНГ, существовавшими вместе с ней в рамках некогда единых государств.

Нам необходимо предпринимать активные шаги по государственной линии, направленные на то, чтобы усилить роль научного сообщества историков и институтов истории стран СНГ в подготовке учебников и в выработке подходов к освещению периодов «общего прошлого». Ее преподавание должно дать молодому поколению объективное представление обо всех сложностях и противоречиях в политической, социально-экономической и культурной жизни нашей истории.

В этих целях следует шире использовать возможности созданной в рамках СНГ сети таких гуманитарных структур, как Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ, профильные отраслевые органы — Совет руководителей государственных и общественных телерадиоорганизаций, Совет руководителей информационных агентств, Межгосударственный совет по сотрудничеству в области периодической печати, книгоиздания, книгораспространения и полиграфии. Важно продолжать деятельность такой структуры, как Совещание руководителей институтов истории Академий наук стран СНГ.

Что касается Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО (У), то нами запланированы на следующий год совместные встречи с учеными-международниками и студентами вузов Казахстана и Таджикистана, в ходе которых будут обсуждаться, в том числе, вопросы объективного изучения нашего исторического прошлого.

**Владимир Ильич Цветков,
секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России**

Мое видение формулы «круглого стола» позволяет мне думать о том, что тема открывает некую возможность сформировать и открыть системный процесс восстановления исторической справедливости по отношению к России. Встать на системный путь подготовки интегральных материалов по истории России. И, может быть, изменить тенденции,

ориентируясь хотя бы на множество вопросов, возникающих при прочтении труда Мавро Орбини «Книга ИСТОРИОГРАФИЯ початия имене, славы, и расширения народа славянского и их Царей и Владетелей под многими именами и со многими Царствами, Королевствами, и Провинциями. Собрана из многих книг исторических, чрез Господина Мавроурбина

Архимандрида Рагужского». Я вынужден привести фрагмент текста начала этого труда: «Также удивительно есть, что слава народа славянского, ныне не так ясна, как оно довлело разславиться по вселенной. Ежели бы сей народ, так достаточен был людьми учеными и книжными, как был доволен военными и превосходительным оружием, тоб ни един другой народ во вселенной, был в пример имени Славянскому. А что прочие народы, которые зело были ниже его, ныне себя прославляют, то не ради чего иного, токмо чрез бывших в их народе людей ученых».

Как видим, этот фрагмент итальянца, а не русского, иерарха католической церкви, а не православной, жившего во времена до Великой Смуты в России — в доромановские времена, и издавшего книгу в 1601 году, то есть в период активных действий по установлению единой мировой хронологии, заставляет о многом задуматься, и именно в рамках темы фальсификации истории.

Например: почему признали умалишенным Исаака Ньютона; за что (а точнее за кого) сожгли на костре поляка Воланского вместе с его трудами; почему Ломоносова лишили возможности работать с архивами, хотя с ними (даже дома) работали немцы; почему не изданы труды Ивана Забелина; почему Россия до сих пор не имеет доступа к Индексу запрещенных книг, хранящихся в Ватикане?

Даже не ставя перед собой задач о нахождении ответов на все эти вопросы (и многие другие), можно сделать главный вывод: был какой-то исторический период, когда Россия возмутила умы своими приобретениями и своим влиянием. И эти приобретения, и господство России Европа терпеть уже не могла.

Эти территориальные приобретения России хорошо просматриваются и, например, на французских географических картах, а о влиянии России можно составить представление по этому же критерию: размерам подвластных России территорий и письмах из России в адреса европейских владетелей.

Значит, все-таки Россия была самой большой страной в мире. Кстати, и осталась. Кстати, что, и сегодня, как и в шестнадцатом веке (по приведенным выше словам Орбини), нет в России людей ученых? Такие признания: и об умении распространяться; и об отсутствии достатка в людях ученых и книжных — дорогого стоят.

С первым (умение распространяться) понятно: зависть к достижениям России.

Со вторым — тоже понятно: не умели объединять научные усилия и популяризировать себя в интересах укрепления империи. Так и сейчас тоже не умеем.

Недаром Орбини предупредил в своем труде, что его труд католической церковью не признается. Это важно: когда не признают, а аргументов не приводят — значит, формируют условия для реальных действий по фальсификации выводов (в частности, Орбини).

Что не устраивало Запад в достижениях России? Наверное, сами достижения. А это уже признание. Что конкретно было максимально не устраивающим Запад? Полагаю, что максимально Запад не устраивала именно успешная политика России по объединению многочисленных народов под единым управлением. А что способствовало методологически устойчивому объединению многочисленных народов — наций и создало многонациональную империю? Православие того времени. А какое оно было и чем отличалось от нынешнего православия? Думается, что можно ответить и на этот вопрос: оно было интегральным (например, вид глав Казанского собора в Москве или собора Патриаршего двора в Переделкино), но уже без католичества.

Поэтому главным в истории России являются не территориальные приобретения, а сила православия, его каноны: доступные, терпимые и признанные. Эти каноны стали ментальностью России: церковь — Дом Христов; Россия — Дом Богородицы (Россия под Покровом Божьей матери).

Поэтому можно утверждать, что массовая патриотичность населения России — историческое национальное достояние, выращенное на духовной основе православия.

Отсюда и исторически обоснованное существование рыхлости патриотизма на западных и юго-западных границах, где было представительство разных религий. Это подтверждает история. И это всегда было предметом внимания и власти России, и агрессора. Граница есть граница. Это нормально для границы. И должно быть предметом особого внимания и по существу, и по форме.

Но православные каноны действовали и сформировали, и закрепили доминанты народов России. И, как это ни странно, получили развитие в так называемой «Брежневской» Конституции СССР, закрепив конституционно новую историческую общность — советский народ. Декларация? Конечно. Но и уже — стратегический ориентир развития СССР, закрепленный Конституцией.

Это чувствовал уже Сталин и применил силу православия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, позволив возродиться Патриархии, уничтоженной Петром I и уничтоженной именно потому, что сам Петр боялся силы православия, боясь возрождения доромановской империи и позволяя себе оскорбительные действия по отношению к православия через своих императорских шутов.

Вот в какой точке рассуждений надо искать причины, по которым не только продолжаются попытки исказить взгляд на Россию, но и усиливать работу по унификации отрицательного восприятия самого такого исторического планетарного явления, как страна Россия, в умах мира.

Именно в связи с этим видится целесообразным привести высказывание Классена Егора Ивановича (1795–1862). Он перевел и издал исторический труд

Фадеев Воланского «Описание памятников, объясняющих славяно-русскую историю», кстати, объясняющего и упомянутый труд Мавро Орбини.

Е. И. Классен обобщил многие материалы Ф. Воланского в своей книге «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяноруссов дорюриковского периода в особенности, с легким очерком истории руссов до рождества Христова» (МГУ, 1854 год).

Классен писал: «Факты, служащие основанием для созиждения древнейшей Русской истории, долго лежали под спудом неразобранные... Между тем история древнейшей славянской Руси так богата фактами, что везде находятся ее следы, вплетшиеся в быт всех народов европейских».

Здесь же Классен отмечает, что отдельные германские историки честно занимались русской историей, но тут же говорит, что к «недобросовестным лицам относятся Байер, Мюллер, Шлецер, Гебгарди, Паррот, Галлинг, Георги и целая фаланга их последователей. Они все русское, характеристическое усвоили своему племени и даже покушались отнять у Славяно-Руссов не только их славу, величие, могущество, богатство, промышленность, торговлю и все добрые качества сердца, но даже и племенное имя их — имя Руссов, известное исстари, как Славянское, не только всем племенам Азийским, но и Израильтянам, со времени пришествия их в обетованную землю... Мы знаем (далее пишет Классен. — В. Ц.), что история не должна быть панегириком, но не дозволим же им обращать русскую историю в сатиру».

Вот на этой мысли Классена я хотел бы остановить ваше внимание: об обращении русской истории в сатиру с упоминанием в ряду авторов-сатириков и недобросовестных и Карамзина, и Добролюбова, и Салтыкова-Щедрина, развивающих систему Шлецера и отрицающих роль славян.

Получается, что сатирики от истории (иностранного и отечественного происхождения) занимаются уничтожением истории России. По принципу, если не получается оружием врагов, то надо разлагать чужой идеологией и силами соотечественников.

А оружием, и в самом деле, не получается.

А вот сатирой — фальсификацией, на рухлом поле учености, получается.

Но цель фальсификаторов в разные исторические времена одна — если не получается уничтожить Россию, то надо уничтожать Россию.

Об этом и писал и Мавро Орбини в XVI веке, и Егор Иванович Классен в XIX веке, и многие другие.

Одним из примеров формирования таких процессов уничтожения России являются процессы искажения итогов Второй мировой войны, роли и места СССР в той войне, во всем спектре вопросов войны.

И особенно велико воздействие на результаты Великой Отечественной войны в связи со сменой политического строя — уничтожением СССР.

Агрессивному воздействию (уничижению) история России стала подвергаться во всем ее методологическом спектре: состоянии, процессах и событиях, с помощью инструментов агрессивного и даже нормативного внедрения толерантности. Ну, так, например, отвергали «Домострой» и «Стоглав» в романовские времена как систему нравственности России. А теперь толерантностью пробуют подменить историческую объединяющую роль православия, знающего и умеющего действовать по воспитанию сознания, совместно с другими религиями. Толерантностью надеются обеспечить продвижение и католицизма (протестанства) в Россию. И получается. Россия прекрасно понимает, что католичество и православие (с Ферраро-Флорентийского собора) не объединятся, и в том числе, потому что католицизм исторически несет на Русь агрессию в разных видах и формах.

Такова природа взаимоотношений в католицизме. Вспомним период 1939 года и как США (Франклин Делано Рузвельт) и Великобритания (Уинстон Черчилль) строили свои отношения: за пятьдесят американских эсминцев периода Первой мировой войны для Англии, общей стоимостью 250 000 долларов, Рузвельт затребовал восемь военных баз Великобритании в Западном полушарии. И добился. А Рузвельт и Черчилль — родственники по Саре Белчер. Вот вам и родство, и дружба, и союзничество в рамках ленд-лиза двух католиков. Недаром Рузвельту включили в текст речи в 1940 году фразу «арсенал демократии», принадлежавшую французскому представителю в США Ж. Моне, и Рузвельт 29 декабря 1940 года на беседе «у камелька» сказал американцам, что «мы должны стать великим арсеналом демократии».

Так что же и как «делали» для СССР США в рамках ленд-лиза?

Вот на эту тему Великой Отечественной войны СССР — тему ленд-лиза я прошу обратить внимание.

Должен сказать, что в рамках государственной и общественных программ подготовки к Юбилею Победы СССР в Великой Отечественной войне данная тема отсутствует.

Такое у нас бывает: в частности, фальсификация процессов, определяемых международным правом (в частности, Европейской хартией местного самоуправления).

Например, в Уставе города Москвы записано, что «общегородские выборные органы местного самоуправления в городе Москве не создаются» (Устав Москвы, статья 6, пункт 5). И, как можно понять, из-за этого все процессы городского управления через систему местного самоуправления загибают к вящему восторгу перенасыщенной государственной власти в городе Москве. Но это — к примеру, но яркому в том отношении, как можно фальсифицировать демократические процессы вообще и по отношению к Москве в частности, их понимание. И способствовать разрушению коренного сообще-

ства. Что и наблюдаем: засилье миграции и государственной власти на фоне начавшегося процесса лишения прав юридического лица муниципальных собраний. Именно только наблюдаем — другого не дано. Еще Рузвельт в период Великой депрессии США и работы в рамках «нового курса» ссылался на слова американского деятеля XIX века Д. Вебстера: «Самое свободное государство на свете не может долго существовать, если законы имеют тенденцию создавать быстрое накопление капитала в немногих руках, оставляя большую часть населения в нищете». Далее слова Вебстера еще более прямолинейны: «В таком случае народ должен ударить по привилегиям богатства, иначе влияние богатства ограничит и поставит под контроль изъявление народной воли». Как можно понять, соотносясь с Москвой, в Москве именно такой случай — понятие коренного населения изъято из официального обращения и общегородские выборные органы местного самоуправления запрещены Уставом (Конституцией) Москвы.

Так вот и тема ленд-лиза отсутствует в программах: ну, неудобно как-то кому-то объясняться с США: как они своими товарами заменяли себя на войне.

Но мы наблюдаем, и уже долго, картину системного и откровенного нападения на итоги Второй мировой войны: роль и место в ней СССР; значение Великой Отечественной войны СССР для судьбы мира; масштаб и динамику взаимодействия союзников антигитлеровской коалиции; природа появления на свет божий ленд-лиза; история установления дипломатических отношений между СССР и США; «изоляциялизм»; «Закон о торговле»; политика «баланса сил» США и политика «невмешательства» Европы. Все это создало условия для агрессии Италии, Японии, Германии, позволило фашизму в Германии укреплять мышцы и готовить (в своих интересах) Европу для нападения на СССР.

Сейчас многое в мире изменилось: нет СССР, нет СЭВ и Варшавского Договора, нет лагеря социализма; мир в кризисе, который так и хочется назвать идеологическим, вместо финансово-экономического. И, наверное, идеологические кризисы в 1945 году уничтожили нацизм, в 1985 году — коммунизм, но

идут трудные процессы адаптации на фоне деформированных процессов национально-освободительных движений, превратившихся в террор. И это все, происходящее в мире, стали откровенно ставить в вину современной России как преемнице СССР.

Россия остается виновницей всех бед мира. Просто цена вины растет.

А наряду с США, с ее экономической политикой, повторяющей события Великой депрессии, мир акцентирует внимание, в анализе всех своих бед, на две страны: Россию и США. И Вторая мировая война, и Великая Отечественная война стали козырной картой для пересмотра новейшей истории.

Поэтому вашему вниманию предлагается идея подготовки и проведения Международной научно-практической конференции под названием: «Ленд-лиз — непредвзятый взгляд сквозь годы (сотрудничество СССР с США, Великобританией и Канадой в политической, военно-экономической и военно-технической сферах в годы Второй мировой войны».

Создание при Президенте России Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории можно назвать инновационным решением.

Однако надо иметь в виду:

- живущее поколение — наследники России и продолжатели России;
- не противодействие, а создание внутренней государственной системы по разработке состояния, процессов и событий истории России. План Комиссии должен предусматривать выделенные, но взаимодействующие между собой, следующие направления работы: изучение состояния истории; изучение внутренних и внешних национальных процессов; изучение внутренних и внешних событий; оценка событий; выдача рекомендаций.

В этой системе должны присутствовать представители доминирующих религий России; эта система должна быть пассивно открыта для зарубежья и должна суметь «встать» над мнением (слово «мнение» без кавычек) мира; во внутренние и внешние процессы государства системно внедряются функциональные фрагменты истории, как только поясняющие преемственность исторической стратегии России.

**Александр Абрамович Фрейдсон,
доктор юридических наук, академик МАНЭБ, ветеран ВОВ,
участник боев за Ленинград, Кенигсберг, Будапешт и Берлин**

Как ветеран Великой Отечественной войны (ВОВ) и член Латвийской ассоциации борцов антигитлеровской коалиции (LAKSA), я представляю интересы 12 000 ветеранов — инвалидов и участников ВОВ, постоянных жителей Латвии, не получающих материальной помощи от России.

По просьбе Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Латвийской Республике А. А. Вешнякова 27 октября 2009 года я принял

участие в заседании круглого стола на тему: «Дело В. М. Кононова как политико-правовой прецедент», который проводился в Государственной Думе РФ и был посвящен защите прав и свобод соотечественников в странах Балтии. Этот круглый стол состоялся при поддержке Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. На заседании круглого стола присутствовали 56 различных госу-

дарственных деятелей РФ, а также представителей общественности.

В конце 2004 года совместно с бывшим в то время председателем LAKSA, ныне покойным Г. Минценбергом, от имени членов LAKSA — ветеранов ВОВ нами было направлено из Латвии обоснованное требование к президенту РФ В. В. Путину о необходимости распространения на членов LAKSA действия Федерального закона РФ «О ветеранах» от 16 декабря 1994 года с учетом изменений от 22 августа 2004 года № 122 ФЗ (в редакции от 29 декабря 2004 года, в дальнейшем в тексте — *Федеральный Закон*). Однако это требование не получило положительного решения.

В связи с бедственным положением ветеранов ВОВ, проживающих на территории Латвии, этот вопрос неоднократно обсуждался нами и с теперешним председателем LAKSA Г. Т. Шадриним. Речь идет о том, что инвалидам и ветеранам ВОВ — постоянным жителям Латвии, которые, несмотря на непосредственное участие в боевых действиях в составе Советской Армии, партизанских отрядов и подпольных организаций на временно оккупированной Гитлеровской Германией территории, не были обеспечены и не обеспечены до сего времени социальной защитой, а также не получают социальную поддержку как ветераны в соответствии с Федеральным Законом. Эта часть ветеранов ВОВ, получая мизерную пенсию по старости от Латвийского государства, не имеет достаточных средств для существования.

С целью оценки общей ситуации и потенциальных возможностей касательно социальной поддержки ветеранов ВОВ — «неграждан», проживающих на территории Латвийской Республики, были изучены документы соглашения правительств Российской Федерации и Латвийской Республики от 13 февраля 1993 года «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу и службу в органах внутренних дел и членов их семей». Выяснилось и подтвердилось то, что 15 000 военных пенсионеров, многие из которых не являются ни инвалидами, ни участниками ВОВ, пользуются всеми средствами социальной поддержки РФ, в то время как ветераны ВОВ — постоянные жители Латвии ее не получают.

В результате этих исследований и сделанных выводов Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Латвийской Республике А. А. Вешняков принял решение направить меня как юриста в г. Москву для участия в заседании этого круглого стола с целью защиты интересов ветеранов ВОВ, проживающих в Латвии. От имени LAKSA в заседании круглого стола принял участие председатель LAKSA Г. Т. Шадрин

Вопросы, интересовавшие нас как представителей LAKSA, были затронуты в выступлениях: зам. Директора департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ С. И. Толкалина, генерала В. К. Известного, первого заместителя председателя Совета ветеранов 130-го Латвийского стрелкового корпуса и партизанских бригад Латвии,

председателя правления национально-культурного общества «Светлояр» С. П. Пичугина и консультанта отдела внешних церковных связей Русской православной церкви, секретаря комиссии Московского патриарха по делам обрядческих приходов и по взаимодействию со старообрядчеством И. И. Миролюбова. Председатель LAKSA Г. Т. Шадрин в выступлении на тему: «О социально-правовом положении участников ВОВ Латвии» сообщил, что в Латвийской Республике насчитывается 12 000 инвалидов и участников ВОВ — постоянных жителей Латвии, которые не получали и не получают социальной поддержки. Учитывая это, он просил присутствовавших найти возможность оказать немедленную материальную помощь фактически бедствующим ветеранам ВОВ.

На заседании круглого стола было отмечено, что «дело Кононова проявило на практике ряд упущений российского законодательства по защите прав соотечественников за рубежом, особенно в части прав ВОВ». В пункте 1 рекомендаций круглого стола, адресованных органам государственной власти РФ, по проблеме проживающих за пределами РФ ветеранов ВОВ записали: «Предусмотреть в государственных целевых программах, касающихся работы с соотечественниками, статьи расходов, нацеленных на оказание материальной и моральной помощи ветеранам, проживающим за пределами РФ».

Несмотря на кажущуюся необходимость, благотворительность и полезность такого решения, подобные мероприятия, однако, не восстанавливают ущемленные права 12 000 инвалидов и участников ВОВ, ибо такие мероприятия все равно не обеспечивают этим ветеранам ВОВ равные условия и равную социальную поддержку в сравнении с ветеранами ВОВ, проживающими в России в контексте требований норм *Федерального Закона*. Правовой основой признания инвалидов и участников ВОВ — «неграждан» РФ ветеранами в соответствии со статьями 2–4 *Федерального Закона* является не их место жительства или гражданство в настоящее время, как это утверждается в статье 12 *Федерального Закона*, а их непосредственное участие в ВОВ. Этот юридический факт дает им полное право, приобретая специальную правоспособность, участвовать в правоотношениях по получению социальной поддержки в соответствии с требованиями статей 14 и 15 того же закона. В соответствии с частью 1 статьи 10 *Федерального Закона* «меры социальной поддержки, установленные статьями 14–19 и 21 настоящего *Федерального Закона* и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами правительства Российской Федерации, являются расходными обязательствами Российской Федерации». Не выполняя эти требования в отношении 12 000 инвалидов и участников ВОВ — постоянных жителей Латвии, правительство РФ не только не выполняет гарантии взятых на себя обязательств, но и нарушает требования норм международного права и конституционных

норм РФ. Запрет социальной поддержки в отношении инвалидов и участников ВОВ — неграждан РФ, проживающих за пределами РФ, установленный статьей 12 *Федерального Закона*, противоречит требованиям статей 14–19 и 21 *Федерального Закона*, а также статьям 19 и 55 Конституции РФ. В результате этого РФ в нарушение статьи 45 Конституции РФ не в состоянии гарантировать им защиту прав и свобод человека. В этих условиях применение статьи 12 *Федерального Закона* не может считаться легитимным. Таким образом, принятые в рамках заседания круглого стола рекомендации, по сути, не решают проблему на должном уровне и в долгосрочном действии.

Констатируя, что круглый стол не поможет полностью решить проблему, и принимая во внимание то обстоятельство, что возможность вос-

становления ущемленных прав 12 000 инвалидов и участников ВОВ — постоянных жителей Латвии, гарантируется государственной защитой, я решил обратиться к гаранту Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина — президенту РФ Д. А. Медведеву, в результате чего 15 декабря 2009 года я направил соответствующее письмо президенту РФ Д. Медведеву.

Как доктор юридических наук и как юрист-эксперт полагаю, что дальнейшее исследование круга проблем, связанных с темой конференции, необходимо было бы дополнить юридическими оценками соответствующих документов и действий фальсификаторов истории России. Это могло бы способствовать достижению положительного результата и эффективности исследований.

**Александр Арсеньевич Орлов,
Директор Института международных исследований МГИМО (У) МИД России**

Сегодняшняя конференция, организованная Институтом международных исследований, продолжает серию мероприятий по вопросам противодействия попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, проводимым МГИМО (У) в координации с одноименной Комиссией при Президенте РФ.

Дискуссии на историческую тему, в фокусе которых в наши дни находится период Второй мировой войны, вне всякого сомнения, являются частью глубоко продуманной и тщательно отстроенной кампании, суперзадача которой заключается в том, чтобы закрепить в массовом сознании на длительный период, фактически канонизировать некоторые постулаты, которые будут иметь определяющее значение при трактовке событий всего бурного, противоречивого, яркого и в то же время трагического XX века. Если схематично, то речь идет о выстраивании классического двухкомпонентного образа — хороший / плохой. В разряд «хороших», естественно, попадают США, а также их главные союзники и друзья. На протяжении всего века они самозабвенно боролись с любым злом и, в конце концов, всех победили. Со всем не случайной в этой связи выглядит трактовка событий Второй мировой войны, которая, в частности, предлагается таким мощным идеологическим оружием США, как голливудский кинематограф. Если провести социологическое исследование по итогам просмотров американских военных или околовоечных блокбастеров, то едва ли у современного «мирового» зрителя, как правило, мало знакомого с историей более чем полувековой давности, возникнет сомнение в том, что США внесли решающий вклад в победу над фашизмом.

Более полувека американская пропагандистская машина целенаправленно выстраивала негативный образ Советского Союза, который впоследствии без

значительных изменений был перенесен на Россию. При этом важно подчеркнуть, что роль СССР во Второй мировой войне, как правило, не ставилась под сомнение, хотя и не акцентировалась. Тому есть, вероятно, несколько причин. Во-первых, двадцать и более лет назад Вторая мировая война не была слишком далеким атрибутом истории, как она видится сегодня новому поколению. Во-вторых, Советский Союз являлся одним из столпов системы международных отношений, с которым нельзя было не считаться. Поэтому трактовки истории в том духе, что СССР и фашистская Германия несут равную ответственность за развязывание Второй мировой войны, были тогда абсолютно неприемлемыми ни для общества, ни для политического истеблишмента, в том числе и на Западе.

Теперь же у части (особо подчеркнем — *только части*) политического класса на Западе и обслуживающих интересы этих сил ученых и политологов возникло ощущение, что пришло время для того, чтобы «правильно» расставить акценты в вопросе о Второй мировой войне. Тем более что появился существенный «дополнительный ресурс» в виде ряда новых независимых государств, бывших союзных республик, а также части восточноевропейских стран. Речь, прежде всего, идет о Прибалтийских государствах, Украине, Грузии, а также Польше, где переписывание, извращение истории стало органической частью государственной политики. В сознании молодого поколения, за которое сейчас во многом идет борьба, насаждается образ России как «генетического врага», захватчика и оккупанта, от которого нужно держаться подальше. При этом пособники фашистов объявляются национальными героями, а советские солдаты-освободители — поработителями. То есть полюса восприятия событий Второй мировой войны разом меняются. Черное становится белым, плохие — хорошими.

Борьба за историческую правду сегодня — это не просто спор об интерпретации тех или иных событий или документов. Ставки в ней неизмеримо более высокие. Для россиян это борьба за национальное самосознание. У нас хотят, по сути дела, отнять главный атрибут национальной гордости, то, что объединяет, цементирует наш народ, все наше общество, — победу в самой жестокой, самой кровавой из войн, от итога которой зависело — ни много ни мало — выживание человечества, судьба всей цивилизации планеты Земля.

Но это не все. Через историю, историческую правду идет борьба за наше будущее. Мы хотим открытой Европы, открытого мира, в котором Рос-

сия занимала бы достойное место, была равным и уважаемым партнером других стран и народов. Нас же опять хотят загнать за новый «железный занавес», возвести новую «берлинскую стену», разрушение старого образца которой двадцать лет назад Запад считает символом своей победы в «холодной войне». Такая перспектива нас абсолютно не устраивает.

МГИМО (У), Институт международных исследований будут уделять вопросам фальсификации истории в ущерб интересам России самое пристальное внимание, тем более в предверии новой крупной даты — 65-летия победы в Великой Отечественной войне.